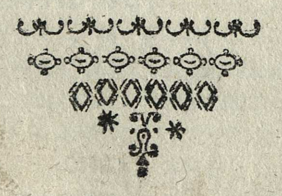
СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

сочиненія

ГОСПОЖИ ГОМЕЦЪ.

ТОМЪ V.

съ Французскаго на Россійской языкъ переведенъ

Въ Санктпетербургѣ.

1766 году.

СТО НОВЫХЪ НОВОСТЕЙ

XVI. НОВОСТЬ

ЛЮБОВНИКЪ, СОПЕРНИКЪ И ПОВѢРЕННЫЙ САМЪ СЕБѢ.

Изъ всѣхъ напастей сопряженныхъ съ жизнію человѣческою есть по мнѣнію моему та наивеличайшая, чтобъ пріобрѣтать разумъ не инако, какъ помощію возраста, и употреблять оной только, поелику приближаемся ко вратамъ смерти. Какимъ бы благоденствіемъ преисполнено было теченіе дней человѣческихъ, естьли бъ были они разумны съ своего младолѣтства! Колико бы можно имъ было избѣжать злополучій! Колико бы можно было не знать неустроеній естьли бы въ пріумноженіи лѣтъ уступали

пали они силѣ разума! развѣ ето великое насиліе, чтобъ проклинать страсти, когда кто уже не въ состояніи ихъ чувствовать, или когда уже бѣдственное и долговременное искуство подало довольно знать заблужденіе и непорядки оныхъ?

О вы, которые неинако желаете считать дни свои какъ по числу вашихъ забавъ, выдьте изъ сего заблужденія, и не ожидайте, чтобъ угрызеніе совѣсти или отвращеніе принудили васъ здѣлаться благоразумными. Хотя повѣсть, которую я разсказать хочу, имѣла безбѣдное окончаніе, однако не дѣлайте изъ того нималѣйшаго слѣдствія, чтобъ возможно вамъ было предаваться забавамъ, и помышляйте, что есть ли Тотъ, коему благоугодно учреждать все, соизволяетъ иногда преступленіи наши обращать намъ въ пользу, то еще гораздо чаще дѣлаетъ ихъ виною нашего посрамленія и мести.

Графъ Элемонтъ, дворянинъ бретонской, единородный сынъ своихъ родителей, богатый, украшенный множествомъ дарованій и преисполненный разумомъ, лишился въ такой младости даровавшихъ ему жизнь,

что

что еще прежде двухъ лѣтъ увидѣлъ себя обладателемъ знатнаго имѣнія и совершенныя свободы. Какъ опекуны его болѣе имѣли попеченія о наружномъ его воспитаніи, нежели чтобъ здѣлать его честнымъ человѣкомъ, то видно было въ немъ гнусное смѣшеніе добрыхъ и худыхъ качествъ, и пріятности въ особѣ его сіявшія, служили только къ большому изъявленію его преступленій; будучи живъ, горячь, отваженъ, самолюбивъ, думая знать все, и зная довольно, но думая о томъ больше нежели было въ самомъ дѣлѣ, имѣя весьма слабое понятіе о вѣрѣ, предаваясь страстямъ своимъ безъ мѣры и воздержанія, доводя забавы свои до крайности, вѣтренъ, легкомысленъ, непостояненъ и непочтителенъ къ освященнымъ вещамъ; однакожъ созданъ, чтобъ нравиться, танцовалъ и пѣлъ хорошо, игралъ на многихъ инструментахъ, былъ храбръ, проворенъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, исклоненъ къ поправленію, естьли бы имѣлъ друзей удобныхъ къ подаянію ему совѣтовъ; но къ нещастію ево не старался оныхъ снискивать, будучи влекомъ своею склонностію, знал-

ся только со множествомъ молодыхъ расточителей, кои боясь его лишиться, не давали ему времени разсуждать о своемъ повеленіи.

Таковъ былъ Графъ Элементъ, какъ нѣкогда дворянинъ изъ его родственниковъ увидя его въ готовности войти въ домъ къ нѣкоторой въ томъ городѣ жившей женщинѣ, коей слава была въ подозрѣніи, остановилъ его, и мня, что язвительная издѣвка болѣе здѣлаетъ надъ нимъ заразы, нежели ревностное наставленіе, далъ волю своему разуму и говорилъ ему толь язвительно, что Графъ будучи нетерпѣливъ, далъ ему пощечину, и выхватилъ въ тожъ самое время свою шпагу; дворянинъ здѣлалъ тоже, и обое будучи возбуждаемы равнымъ желаніемъ мщенія, дрались какъ люди неимѣвшіе намѣренія щадить кровь свою; но Графъ будучи щастливѣе или проворнѣе своего сопротивника, вонзилъ ему шпагу свою въ грудь, и поразилъ его мертва на томъ мѣстѣ. Тогда разсудя о опасности, коей подвергался, продрался сквозь толпу народа начавшуюся собираться, выбѣжалъ за городъ, и пошелъ

въ

въ домъ къ одному изъ своихъ пріятелей, которой скрылъ его до ночи ожидая пока найдетъ безопасное средство избавить его отъ гоненій правосудія; онъ былъ толь легокъ, и бѣгъ ево толь скоръ, что самые проворнѣйшіе стараясь ево настичь потеряли изъ виду, не примѣтя того, куда онъ побѣжалъ.

Родственники убитаго будучи сильны, здѣлали тотчасъ потребныя пріуготовленіи, чтобъ удостовѣрить свое мщеніе и наказаніе Графово; но хотя поступка его не пріобрѣла ему великаго почтенія, однако по пріятности его особы и понадеждѣ видѣть его когда нибудь перемѣнившагося, сыскались сердца чувствительныя, кои сжалились надъ симъ произшествіемъ, и родственники его совокупно со многими знатными особами, вмѣшавшимися въ то, довели оное дѣло до того, что ласкались примириться, и исходатайствовать ему прощеніе. Между тѣмъ какъ много требовалось къ достиженію того времени, и боялись, естьли появится, чтобъ его не схватили, и не были не въ силахъ удержать правосудія; то другъ ево

совѣтовалъ ему удалиться изъ Реннеса, на нѣсколько мѣсяцовъ въ бомету монастырь реколетской въ городѣ Анжерѣ, гдѣ строитель былъ ему знакомъ, къ которому хотѣлъ онъ отписать, дабы принятъ онъ былъ тамъ по достоинству. Такowое убѣжище устрашило сперва Графа; нравъ ево и склонности не соглашались нимало съ предлагаемымъ ему убѣжищемъ; но пріятель ево толь изрядно растолковалъ ему, что сїе мѣсто есть единое убѣжище, гдѣ удобно ему увѣдомляться о всемъ имѣющемъ происходить не подвергаясь никакой опасности, и что естьли узнаютъ, что онъ избралъ сїе мѣсто, дабы укрыться, предпочтя оное тому, чтобъ уѣхать въ чужїя земли, то сїе можетъ истребить въ народѣ тѣ худыя мнѣнїи, кои оной объ немъ имѣетъ, и облегчить ево отзывъ, почему онъ на то и согласился. Вся трудность состояла въ томъ, чтобъ дойти туда, не бывъ на дорогѣ узнанну; ибо портретъ ево розданъ былъ вездѣ для ево задержанїя. Выискивая множество способовъ, наивѣрнѣйшїй показался имъ переодѣться

въ

въ Капуцина, ибо длинная борода и широкой капишонъ были весма благопоспѣшны къ тому, чтобъ скрыть его отъ любопытныхъ взоровъ, потому что не могло казаться правдоподобнымъ, чтобъ человѣкъ такихъ лѣтъ, какъ Графъ, погруженный въ забавы убѣжалъ въ убранствѣ толь мало приличномъ той поспѣшности, коей требовало его удаленіе, и что какъ никто о томъ не подумаетъ, то уповательно увидятъ его проходящаго по всюду безъ наималѣйшаго примѣчанія.

Сіе предпріятіе исполнено было наиточнѣйшимъ образомъ. Пріятель снабдилъ его всемъ, что потребно было къ совершенному его переодѣянію. Онъ надѣлъ грубое одѣяніе сего ордена, подложная борода исправила недостатокъ лѣтъ, а капишонъ нѣсколько на глаза принахлученный, дѣлалъ ево толь неузнаваемымъ предъ своимъ пріятелемъ, что не сомнѣвался онъ о успѣхѣ своего намѣренія. Онъ снабдилъ его знатною суммою золотыхъ денегъ, скрывъ оныя въ кожаной черезъ, которой обвязалъ около ево подъ платьемъ, и давъ ему письмо къ строителю бо-

метскому, обнялЪ его и отпустилЪ отЪ себя при наступленiи ночи третьяго дня послѢ его поединка. ГрафЪ вознамѢрившiйся не упускать ничего, что могло побудить почитать его прямымЪ монахомЪ, шелЪ часть ночи пѢшЪ, вознамѢрясь брать отЪ времени до времени, смотря по обстоятельству, наемныя коляски, кои по случаю ему попадутся, и не отдыхать индѢ, какЪ вЪ такихЪ корчмахЪ, вЪ коихЪ наименѢе пристаютЪ, дабы не подать ни малаго о себѢ подозрѢнiя.

ОнЪ уже прошелЪ довольно пути, и готовился дойти до мѢста называемаго *три мужа*, дабы препроводить тамЪ остатокЪ ночи, которая была весьма темна, какЪ изЪ одного дому имѢющаго видЪ откупщицкаго, и бывшаго одного на той дорогѢ, увидѢлЪ онЪ выходящаго крестьянина сЪ фонаремЪ, которой, какЪ казалось, хотѢлЪ итти по той же дорогѢ. КакЪ сiе товарищество не было подозрительно, то ГрафЪ настигЪ его, надѢясь что укажетЪ онЪ ему какое нибудь мѢсто удобное кЪ его намѢренiю; но крестьянинЪ лишЪ только бросилЪ на него взорЪ

свой

свой, какъ посмотрѣвъ на него съ радостїю и печалїю: Ахъ, отецъ мой, вскрикалъ онъ, сколь къ сча-стiи небо посылаетъ тебя, дабы избавить меня отъ долгаго пути! единая дочь госпожи, которой я откупщикъ, умерла теперь скоропостижно, мать въ отчаянїи убѣжала къ одной изъ своихъ прїятельницъ, дабы не видѣть остатка толь печальнаго позорища; всѣ служители, кои обожали нашу молодую госпожу, здѣлали тоже, такъ что я остался одинъ съ моею женою возлѣ тѣла покойницы. Я не боюсь живыхъ, отецъ мой, примолвилъ онъ, но не мила мнѣ бесѣда съ мертвыми. Притомъ же жена моя не хочетъ, чтобъ оставилъ я ее стеречь сїе тѣло; и такъ не зная, что дѣлать, вознамѣрился я искать священника, дабы препроводить ночь въ стереженїи онаго, и пособить намъ завтра отправить остатокъ церемонїи, но встрѣча твоя воспящаетъ мнѣ итти далѣе, и думаю, что не отречешься ты исполнить сїе богоугодное дѣло.

Сїе произшествїе показалось толь страннымъ притворному Капуцину, что

что не колебался онъ ни минуты на то склониться; и почитая забавою, что перьвое дѣло, кое доставило ему его переодѣянiе, состояло въ стереженiи мертваго тѣла, имѣлъ великой трудъ, чтобъ не смѣяться, однакожъ силясь казаться постояннымъ, отвѣчалъ откупщику, чтобъ онъ его повелъ, что онъ весьма жалѣетъ, что не въ иномъ чемъ можетъ ему быть полезенъ какъ въ толь болѣзненномъ случаѣ, но что надлежало повиноваться уставамъ Неба, что смерть приходитъ во всякомъ возрастѣ, и что почитается за мятежъ противъ Всемогущества, естьли кто безмѣрно печалится о томъ, что имъ установлено. Толь разумныя рѣчи побудили крестьянина радоваться таковой встрѣчѣ; и будучи весьма ободренъ отъ ужаса, которой возбуждала въ немъ смерть не взирая на оказуемое имъ притворное смѣльство, повелъ онъ Графа въ домъ, и введши его въ нижную залу, гдѣ тѣло положено было на постелѣ, и покрыто сукномъ, въ ногахъ была зажжена свѣча, и видѣнъ былъ весь приборъ, бываемой при такихъ печальныхъ обрядахъ; онъ указалъ ему

ему на столѣ хлѣбъ, вино и нѣсколько плодовъ; и прося себя извинить, естьли оставитъ его и пойдетъ къ своей женѣ, покинулъ ево на свободѣ помышлять о убѣжищѣ, которое незапной случай ему промыслилъ.

Другой бы будучи на мѣстѣ Графа Элемонта, здѣлалъ ревностныя разсужденiи при семъ случаѣ; будучи одинъ въ комнатѣ мало освѣщенной, имѣя предъ глазами мертвое тѣло, и видя во всемъ домѣ, глубокое безмолвiе, чего бы не надлежало ему подумать о своемъ поведенiи, и о причинѣ принудившей его представлять человѣка толь отличнаго отъ прямаго его состоянiя, особливо умертвивъ человѣка, и долженствуя бояться всего отъ правосудiя божiя и человѣческаго? Но будучи удаленъ отъ того, чтобъ самаго себя изслѣдовать, и получить нѣкоторую пользу отъ печальныхъ предмѣтовъ, коими окруженъ былъ, помышлялъ только о томъ, чтобъ здѣлать для себя новую забаву изъ сего страннаго позорища. Въ самомъ дѣлѣ лишь только остался отъ собесѣдничества откупщикова, какъ отдохнувъ нѣсколько

сколько, поѣвъ фруктовъ и выпивъ нѣсколько чарокъ вина, почувствовалъ въ себѣ любопытное желанie увидѣть ту, которую смерть отъ свѣта похитила.

Пожелать и произвесть въ дѣйство было для него все равно, и такъ ослѣпленно повинуясь движенiямъ своея склонности, приближается къ постели, и разкрываетъ тѣло. Гнусность смерти лишивъ его дыханiя, не лишила еще красоты и представившаяся взору нескромнаго элемонта имѣла довольно силъ, дабы побудить его лишиться остатка своего разума. Сiя особа казалась имѣющею только шестнатцать или семнатцать лѣтъ отъ роду. Природа забавлялась собирая въ ней все то, что можетъ красоту здѣлать совершенною; но невзирая на толикiя прелести надлежало уже сему быть предметомъ слезъ и жалости всякому имѣющему сердце честнаго человѣка.

Между тѣмъ сiя мраморная фигура и сiе застылое тѣло разпаляетъ Графа такимъ пламенемъ, коего жару онъ понести не можетъ; чемъ болѣе насыщаетъ жадные свои взоры, тѣмъ болѣе чувствуетъ себя пожи-

пожираема пламенемъ, сколь скорой столь и неистовой любови; но приобыкшїй не почитать ничево, когда доходило до того, чтобы себя удовольствовать, нарушаетъ онъ все воздержанїе, побѣждаетъ все недоумѣнїе, и не будучи болѣе властелиномъ неистовыхъ своихъ восхищенїй, предается онымъ, и совершаетъ наистраннѣйшїй и гнуснѣйшїй изо всѣхъ браковъ.

Есть преступленїи, кои приносятъ съ собою наказанїе. Графъ испыталъ скоро, что учиненное имъ было изъ числа оныхъ. Лишъ только совершилъ оное, какъ получилъ къ нему омерзѣнїе, страхъ и ужасъ овладѣли его душею, онъ чаялъ быть посреди тьмы гробовъ, изъ коихъ мертвецы выходя укоряли его за толь огромное преступленїе; онъ думалъ, что та, которую онъ раздражилъ, оживетъ, дабы ему отмстить. Пораженъ будучи сими плачевными воображенїями, помышляетъ только о томъ, чтобъ бѣжать, выходитъ изъ залы, бѣжитъ на дворъ; и не видя никого, отворяетъ ворота стоящїя къ полю, и удаляется съ торопостїю изъ такого

кого мѣста, которое представляется уже его мыслямъ предмѣтомъ мученія и печали; и ласкаясь истребить оное изъ памяти по мѣрѣ своего отъ туда удаленія, шелъ онъ день и ночь, дабы достичь скоряе до боменскаго монастыря. Какъ на пути своемъ не имѣлъ инаго товарища опричь угрызенія совѣсти, и какъ Небо предохранявшее его для нѣкоторыхъ чрезвычайностей, не допустило случиться съ нимъ никакова противнаго приключенія, то не стану я описывать пути его подробно, а скажу только, что прибылъ онъ на конецъ въ городъ Анжеръ и пошелъ въ боменской монастырь, коего строитель увѣдомленный предъявленнымъ отъ него писмомъ, принялъ его съ отверстыми руками и съ тою благоговѣйною любовію, которую истинные Христіане должны имѣть другъ ко другу. Сей просвѣщенный мужъ не разсудя за благо увѣдомлять своихъ монаховъ о тайнѣ Графовой, приказалъ ему не покидать своего переодѣянія, и отвелъ ему комнату возлѣ своей, дабы быть въ готовности его видѣть, и говорить съ нимъ съ тѣмъ боль-

шею

шею свободностію, разсуждая по виду и чертамъ лица его, что потребенъ ему человѣкъ, которой бы водилъ его по пути премудрости.

Мнимый нашъ Капуцинъ находился тогда въ состояніи разума не удобь изобразимомъ; духъ его непрестанно терзался; множествомъ ужасныхъ мыслей удручаемое воображеніе не допускало его съ начала обрѣсть въ семъ мѣстѣ ожидаемое имъ спокойствіе; гонимый угрызеніемъ своея совѣсти представляющимъ уму его непрестанно гнусность его преступленія, былъ онъ нѣсколько дней въ безперерывномъ смущеніи; но на конецъ святость мѣста, набожность обитаемыхъ въ немъ монаховъ, ихъ согласіе, смиреніе, цѣломудріе, примѣръ, а особливо разумныя и ученыя ихъ бесѣды благопоспѣшествовали къ возстановленію тишины въ его сердцѣ. Страхъ его изчезъ, ужасъ его покинулъ, и хотя поступка его не менѣе казалась ему гнусною; однако какъ воображеніе его утвердилось паки, то не взиралъ онъ болѣе на него съ ужасомъ, но съ сожалѣніемъ, и съ искренною прискорбно-

стію; раскаяніе заняло мѣсто совѣсти угрызенія, набожность изтребила мысленную слабость; слезы катились ручьями, разсужденіи и разумъ взяли паки свою силу, и добродѣтель одержала совершенную побѣду.

Какое различіе! О небо! Между тогдашнимъ Графомъ Элемонтомъ, и убѣжавшимъ изъ Реннеса: послѣдней былъ единственно фигура наружно украшенная, дабы обольщать глаза, а первой здѣлался настоящимъ тѣломъ оживленнымъ такою душею, которой благоугодно было снабдить его новыми пріятностьми, и которое основательными своими движеніями здѣлало честнаго человѣка изъ величайшаго въ свѣтѣ сластолюбца. Но какъ таковое превращеніе не могло произойти безъ усилія, наипаче въ толь горячемъ нравѣ, каковъ былъ Элемонтовъ, то глубокая задумчивость послѣдовала толикимъ терзаніямъ, и довела его до враtъ смерти. Отецъ Строитель испытывавшій его съ тѣхъ поръ, какъ онъ къ нему пришелъ, и нашедшій его весьма любви и попеченія своего достойнымъ,

увидѣлъ

увидѣлъ его съ досадою въ семъ состоянїи, и подозрѣвая по долговременному своему искуству, что сей новый родъ жизни привлекшїй Графа въ его монастырь, будучи въ равновѣсїи съ безпорядками его молодости, могъ конечно причинить сїю опасную печаль; вознамѣрился говорить съ нимъ откровенно, и довесть его до того, чтобъ онъ ему во всемъ открылся.

Ему не было нужды принуждать его долго, дабы преуспѣть въ своемъ намѣренїи. Элемонтъ находился въ такомъ состоянїи, которое требовало утѣшенїя; онъ не могъ болѣе снести обремененїемой его тоски, и имѣлъ нужду въ человѣкѣ, коемубъ могъ оную поручить; и такъ лишь только Строитель далъ ему знать часть своего намѣренїя, то не колебался ни мало учинить ему подробное описанїе о своей жизни и о послѣднихъ обстоятельствахъ, коими умножилъ онъ неистовыя свои поступки, но съ такимъ раскаянїемъ, и толь искренними печали знаками, что добродушный старецъ столь же плѣненный его обращенїемъ, сколь ужаснувшїйся о его

непорядкахъ, довелъ его нечувствительно до сего спасительнаго состоянія, которое одно имѣетъ могущество здѣлать самимъ себя довольнымъ.

Но между тѣмъ, какъ усильныя увѣщаніи и благоразумныя наставленіи перемѣняли нравы Графовы, какъ душа его и разумъ становились совершеннѣе въ монастырѣ бометскомъ, какъ онъ становился ученѣе, и переставалъ о себѣ думать больше нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, въ томъ домѣ, которой онъ толь поспѣшно покинулъ, произошли такія приключеніи, кои были не менѣе удивительны, какъ и примѣчанія достойны. Не прошло больше часа послѣ выходу оттуда мнимаго Капуцина, какъ откупщикъ и ево жена разсудя о томъ, что покинули ево одново, ободрили другъ друга къ преодолѣнію своего ужаса, дабы навѣдаться, не имѣетъ ли онъ въ чемъ нужды, и здѣлать ему компанію. Взявъ сіе намѣреніе, зажигаютъ они факалы и идутъ въ залу; дверь, которую нашли отворену, начала ихъ безпокоить; однакожъ вошли туда и смотрѣли во всѣ сто-

стороны, ища монаха, какъ услышали покойницу испустившую вздохъ, и увидѣли нѣкоторое движенiе подъ саваномъ, которой ее покрывалъ.

Какой видъ для людей готовыхъ умереть отъ ужаса при наималѣйшемъ шумѣ! Они не хотѣли больше того слышать, и обое побѣжавъ изо всей своей силы, перешли большой садъ, которой отдѣлялъ оной домикъ отъ ихъ жилища; и крича о помощи, принудили всѣхъ служителей туда итти, и навѣдаться о причинѣ ихъ крика, но съ великимъ трудомъ въ томъ успѣли; на конецъ услыша о томъ и желая испытать истинну, уговаривали ихъ, сколько имъ возможно было, и пошли всѣ въ залу; одна изъ женщинъ госпожи того дому, которая при жизни покойницы имѣла за нею хожденiе, и которую одна печаль удалила отъ сего позорища, приближилась къ постелѣ перьвая; и по усердiю своему здѣлавшись смѣлою, сняла покрывало, принесла руку на сердце юныя своей госпожи, и услыша что оно билось: Праведное Небо! сказала она, приклонивъ голову свою

къ ней, дражайшая моя Сильвія, ты еще жива!

При сихъ словахъ прочіе служители будучи увѣрены, что сіе было не привидѣніе, но что госпожа ихъ была въ обморокѣ, старались ей помочь; и между тѣмъ какъ одни подаютъ воды удобныя къ возвращенію чувствъ, другіе бѣгутъ къ матери, дабы принести ей сію благополучную вѣдомость. Между тѣмъ, какъ не доумѣвается она, вѣрить ли тому или нѣтъ, и готовится туда итти, младая Сильвія испустивъ еще глубокой вздохъ открываетъ на конецъ прекрасныя свои очи, и подаетъ всѣ знаки такой особы, которая сама въ себя приходитъ. Тогда женщины ея преобративъ слезы въ радость, перенесли ее немедлѣнно въ тотъ покой, гдѣ находилась она предъ мнимою своею смертію, и положили на постелю. Госпожа пришла, когда находились онѣ въ семъ упражненіи; надобно быть матерью, дабы уразумѣть точно безмѣрную сію радость; восхищеніи, слезы, нѣжныя облобызаніи, благодареніи возсылаемыя къ Небу, и все, что природа вну-

внушаетъ наичувствительнѣйшаго, показалось въ сїю минуту.

Прекрасная Сильвїя терзаемая толь многими различными движенїями, возвративъ употребленїе своихъ чувствъ, и разсуждая по радостнымъ восклицанїямъ своея матери, что почитали ее за мертвую, соотвѣтствовала знакамъ ея горячности всѣми ласканїями, кои могла ей дозволить чрезвычайная слабость оставшаяся въ ней отъ плачевнаго состоянїя, изъ коего она вышла. Какъ въ сей обморокъ упала она послѣ долговременной болѣзни, во время которой многократно ей пускана была кровь, то созванные врачи не разсудили за благо пустить ей еще оной, и довольствовались удостовѣрить возвращенїе ея къ жизни самыми простыми и невинными лѣкарствами. Сїя поступка имъ была удачлива; Сильвїя выздоравливала мгновенно; и столь же твердымъ здоровьемъ, сколь оное прежде было слабо, возобновила она радость и надежду во всемъ домѣ.

Между тѣмъ смятенїе и безпокойство, въ коемъ находились, побудили

будили позабыть Капуцина; но откупщикъ и ево жена не имѣя болѣе никакова страха, о немъ вспомнили, и приведши себѣ на память, что нашли онѣ всѣ двери отворенныя, не сомнѣвались онѣ, чтобъ не усмотрѣлъ онъ первый движенія во покойницѣ, и чтобъ ужасъ не принудилъ ево бѣжать. Сія мысль, которая не имѣла больше ничего кромѣ забавнаго, увеселяла безмѣрно Сильвію и ея мать, и была долгое время причиною ихъ разговоровъ; но разсудя, что надлежало ему быть какому нибудь прохожему, не безпокоились больше о томъ, куда онъ дѣвался, ниже старались ево узнать, дабы вывесть его изъ заблужденія.

Госпожа де Сернанъ [такъ называлася мать прекрасныя Сильвіи] была Анжерка, и вдова одного дворянина бретонскаго, оставившаго ей всево имѣнія только ту землю, гдѣ Сильвія причинила толико ужаса: сія прелестная дѣвица была единымъ плодомъ ея брака; и какъ госпожа де Сернанъ живала обычайно въ Анжерѣ, гдѣ наслаждалась весма посредственнымъ доходомъ, такъ что

что по смерти ея мужа не видала она никогда той дачи, которую имѣлъ онъ на ренненской дорогѣ, а тогда прiѣхала она туда съ своею дочерью, дабы ее укрѣпить, и привесть въ такое состоянiе, чтобъ получить съ нее болѣе доходу, что и исполнила она по своему намѣренiю; уже около года жила она тамъ безъ удовольствiя, любя гораздо болѣе Анжеръ, и примѣтя, что воздухъ тамъ противенъ Сильвiи, которая ей тѣмъ была миляе, что присоединяла она къ наисовершеннѣйшей красотѣ нравъ столь совершенной, сколь рѣдкой въ особѣ ея лѣтъ; она помышляла только о томъ, что бы возвратиться въ Анжеръ, какъ сiя прекрасная дѣвица впала въ болѣзнь, однакожъ какъ прилагаемыя о ней въ болѣзни сей старанiи избавили ее трудовъ, то торжествовали тогда ея выздоровленiе, какъ нашли ее въ постелѣ мертвую, или по крайней мѣрѣ такъ о томъ думали; шумъ былъ во всемъ домѣ, отчаянiе овладѣло сердцами всѣхъ; и когда употребили безъ успѣха всѣ лѣкарства, кои могли выдумать, дабы возвра-

тить ей жизнь, тогда одна въ сосѣдствѣ жившая госпожа увезла съ собою госпожу де Сернанъ, а служители обремененные печалїю разсыпались, откупщикъ, ево жена и садовничей ученикъ, остались одни, дабы имѣть призрѣнїе за тѣломъ.

Какъ многїе сады отдѣляли оной домикъ отъ откупщицкаго, и не возможно было услушать того въ одномъ, что происходило въ другомъ, то откупщикъ вздумалъ положить покойницу въ надворной избѣ, дабы госпожа де Сернанъ пришедъ въ домъ не могла слышать ни видѣть печальной церемонїи отправляющейся въ таковыхъ случаяхъ. Для сей причины садовничей ученикъ и онъ перенесли ее въ сїю избу, положили ее на постелю покрытую сукномъ, и оставили ее тамъ съ зазженною свѣчею. Пока былъ еще день, и всѣ находились еще въ жару сего приключенїя, тогда откупщикъ не имѣлъ страха, а какъ настала ночь, и садовникъ ушелъ, тогда онъ увидя себя одного съ своего женою и недождавшись никого, весьма оробѣлъ, и принялъ намѣренїе итти въ деревню, дабы искать священ-

священника, какъ встрѣтился съ нимъ странствующій нашъ Капуцинъ. Таково было тогда состояніе дѣлъ: госпожа де Сернанъ, которая помышляла только о томъ, чтобъ умножить доходъ съ своея дачи, неоставляя инаго дочерѣ своей имѣнія, не показывалась въ Реннесѣ, и не возила туда Сильвію, никто ее тамъ не зналъ, и все ихъ знакомство было только съ одною по сосѣдству живщею госпожею.

Сильвія хотя была молода, прекрасна, преисполнена разумомъ и пріятностьми, однако не любила свѣта; она бы весьма желала сообщества съ отборными особами, съ коими бы могла обходиться съ вольностію, довѣренностію и искренною дружбою, но взирала менѣе на счастіе, нежели на достоинство, и предпочитала благоразуміе избыточеству; будучи увѣрена, что почти невозможно найти таковыхъ друзей, зДѣлала она пріятную привычку изъ уединенія, упражняясь во ономъ въ такихъ забавахъ, кои согласовались съ ея мыслями; книги, инструменты, и нѣкоторыя работы болѣе забавныя

нежели

нежели трудныя, составляли наипріятнѣйшее ея времени препровожденіе: она была разумна, цѣломудренна, воздержна, тиха, великодушна жалостлива и благодѣтельствующа. Какъ недостатокъ ея имѣнія побуждалъ ее думать, что не легко ей найти достойнаго жениха, то гораздо менѣе опасалась остаться дѣвицею, нежели выти за ненавидимаго человѣка, или любить такого, за котораго не могла выти, и убѣгала со всею возможностію, чтобъ не оказывать въ глазахъ ихъ тѣхъ прелестей, кои бы навлекли ей обожателей. И такъ дача ея матери или городъ Анжеръ были одинаковы для ея пребыванія; но госпожа де Сернанъ тревожась, что воздухъ для нее нездоровъ, хотѣла возвратиться въ Анжеръ, и какъ скоро Сильвія совершенно выздоровѣла, то поѣхала она туда чрезъ три недѣли послѣ приключенія съ обморокомъ; домъ ея былъ въ улицѣ реколетской, и какъ сія церковь была весьма благоговѣйна, то Сильвія и она предпочитали ее всѣмъ другимъ, и не проходило дня, чтобъ не присутствовали онѣ тамъ

тамъ при отправленіи божіей службы; онѣ знали и отца Строителя; и хотя онъ къ нимъ не хаживалъ, однако слава о ихъ честности и благоразуміи привлекала его къ нимъ почтеніе, и когда имѣлъ онъ случай говорить съ ними, тогда сіе происходило всегда съ отмѣнностію. Въ первой день какъ онѣ туда пришли послѣ своего возврату, стоялъ онъ у монастырскихъ двѣрей съ притворнымъ Капуциномъ; и вспомня увидя входящихъ послѣ долговременнаго отбытія, подошелъ онъ къ нимъ, поклонился, и спрашивалъ со смиреніемъ, что бы было причиною ихъ отлучки. Госпожа де Сернанъ не почитая за потребное говорить о случившемся съ дочерью ея произшествіи, увѣдомила его только о прилагаемомъ ею о вотчинѣ своей попеченіи, и поблагодаривъ его почтительно за учтивость вошла въ церковь.

Во время сего короткаго разговора Графъ стоявшій въ двѣряхъ монастырскихъ, коего новыя чувствованіи не отвратили еще отъ тлѣнности, остановилъ взоры свои на прекрасной Сильвіи, и колеблющееся

щееся еще его сердце пріемля участіе въ увеселеніи очей, показало ему скоро, что хотя благоразуміе и учреждало страсти его, однако еще не совершенно оныя обуздало, и такъ сильная любовь имъ овладѣла; но перемѣненіе его души, перемѣнивъ такожде и его желаніи, вперяло въ него только чистыя и законныя; и такъ принялъ онъ учиненную надъ нимъ заразу единственно въ намѣреніи, чтобъ здѣлать оную предмѣтомъ благополучнаго брака. Ибо почтеніе, кое Строитель изъявилъ симъ госпожамъ, не дозволило ему сомнѣваться, чтобъ не были онѣ того достойны. Онъ спросилъ у него, кто онѣ таковы; монахъ увѣдомилъ его о томъ, и разсказываніемъ объ нихъ всего добраго невѣдомо какъ умножилъ усердіе, коимъ начиналъ онъ пылать. Онъ пошелъ въ церковь, и проходя многократно мимо ихъ, дабы лучше разсмотрѣть Сильвію, совершенно потерялъ свою свободу; съ того дня будучи внимателенъ на всѣ ихъ поступки, не пропускалъ онъ ни одного случая, чтобъ не быть при томъ, когда онѣ приходили и выхо-

выходили, и наблюдаемая имъ въ томъ точность здѣлалась толь примѣтною, что Строитель догадался. Сей добродушный отецъ, которой не имѣлъ намѣренія постричь Графа Элемонта, но здѣлать изъ него разумнаго человѣка, не досадовалъ на склонность, которую имѣлъ онъ повидимому къ дѣвицѣ де Сернанъ; и думая, что сей бракъ можетъ произвесть два преизящныя дѣйствія, одно чтобъ здѣлать добродѣтельную дѣвицу достаточною, а другое, чтобъ свободить совершенно Элемонта отъ непорядковъ младости, помышлялъ онъ ревностно о поспѣшествованіи сему союзу. Однакожъ желая все дѣлать съ благоразуміемъ, началъ то вывѣдываніемъ сердца своего ученика, дабы узнать, какого свойства была въ немъ сія новая страсть. Графъ, коего добродѣтель отъ часу болѣе руководствовала, не нашедъ ничего въ своихъ склонностяхъ, чтобъ могло его раздражить, отвѣчалъ ему искренно, что ежели бы не нарушая почтенія, коимъ долженъ онъ его званію, дозволено ему было здѣлать

лать ево своимъ повѣреннымъ, то бы признался онъ, что Сильвія умѣла такъ ему понравиться, что одна она могла здѣлать жизнь его счастливою, и что естьли друзья его исходатайствуютъ ему прощеніе, то будетъ онъ искать способовъ, чтобъ имѣть доступъ въ домъ госпожи де Сернанъ, и свататься за прекрасную дочь ея. Откровенность Графова и непорочность его намѣреній крайне Строителю понравились, онъ увѣщевалъ его, чтобъ никогда не имѣть иныхъ, и обѣщался служить ему въ его намѣреніи, какъ скоро свободенъ будетъ поступать съ нимъ безъ опасенія.

Элемонтъ преисполненный радостію и благодарностію, бросился къ ногамъ его, и увѣрялъ, что не удалится никогда отъ подаваемыхъ имъ совѣтовъ, и будетъ поступать по его прозорливости. Казалось, что сіе совершенное обновленіе доставляло ему счастіе; ибо другъ ево спустя нѣсколько дней увѣдомилъ его, что примиреніе послѣдовало, гоненіи остановлены, что можетъ онъ смѣло покинуть свое переодѣяніе,

нїе, и принять на себя сродной ему видъ, пребывая всегда въ бометѣ, пока не отпишетъ онъ ему, чтобъ ѣхать въ Реннесъ, дабы избѣжать церемонїй провосудїя нужныхъ для полученїя его прощенїя, что оное удостовѣрено, но надобно еще пообождать нѣсколько времени, что между тѣмъ можетъ онъ наслаждаться свободою, но не оказывая себя весьма изъ благопристойности паче нежели по причинѣ страха.

Графъ былъ болѣе влюбленъ, нежели чтобъ не воспользоваться симъ извѣстїемъ; онъ сообщилъ оное отцу строителю, къ которому написано было тоже, и просилъ его употребить время, которое ему въ Анжерѣ пробыть осталось, дабы познакомить съ госпожею де Сернанъ, и ввесть его въ домъ ея, что бы по полученїи прощенїя можно ему было жениться на Сильвїи. Строитель на то согласился, тотчасъ заказали ему новое платье, и между тѣмъ какъ надъ онымъ трудились, добросердечный сей монахъ навѣстилъ госпожу де Сернанъ. Сїя госпожа плѣненная чинимою ей отъ него че-

стію, приняла его со множествомъ знаковъ почтенія; и когда перестали оказывать взаимныя учтивства, тогда Строитель началъ говорить.

Хотя и не совсѣмъ прилично, сказалъ онъ матери Сильвіиной, достоинству моего званія, чтобъ вмѣшиваться въ нѣкоторыя дѣла, однако добродѣтель ваша, сударыня, и вашей дочери, принуждаютъ меня преступить нѣкоторую благопристойность, дабы постараться о томъ, чтобъ промыслить вамъ нѣкую знатную въ счастіи награду, которую Небу благоугодно низпосылать любезной Сильвіи. Тогда увѣдомивъ ее о имѣніи Графа Элемонта, о его породѣ, о качествахъ его особы и нрава, довелъ рѣчь до дѣла удалившаго его изъ Реннеса, но изображая оное токмо красками служащими въ его пользу, прибавилъ къ тому, что жилъ онъ скрытно въ его монастырѣ, пока не получилъ прощенія, и не хотя говорить о его переодѣяніи, дабы не подать никакова непріятнаго мнѣнія о семъ господинѣ, продолжалъ такимъ образомъ: и въ нашемъ то домѣ онъ не бу-

будучи видимъ Сильвіею, воспріялъ къ ней толико почтенія, что вознамбрился, помощію меня испрашивать ее у васъ себѣ въ супружество; но какъ такія дѣла несовершаются не знавъ другъ друга, то прошу васъ дозволить мнѣ привести ево сюда, и согласиться на то, чтобъ имѣлъ онъ свободной доступъ въ домъ вашъ, дабы вы сами собою разсуждали, достоинъ ли онъ быть вашимъ зятемъ; дѣло ево къ счастливому концу приведено, скоро позовутъ его для полученія прощеня; однакожъ не худо то чтобъ не многіе его видѣли; и сіе то принуждаетъ меня просить васъ, дабы могъ онъ васъ навѣщать въ вечеру, или въ такія часы, когда не имѣете вы у себя гостей.

Поступокъ строителевъ показался толь ревностнымъ госпожѣ де Серманъ, и предлагаемая имъ партія толь выгодною, что не можно ей было о томъ не подумать; она отвѣчала сему почтенному отцу, что толь совершенную имѣетъ къ нему довѣренность, что почтетъ за нарушеніе одной изъ главнѣйшихъ своихъ должностей, естьли

вздумаетъ ему отказать; что Графъ Элемонтъ не долженъ сомнѣваться о наилучшемъ прiемѣ, особливо когда будетъ представленъ отъ нево; и что поучиненному о немъ описанiю остается ей желать того, чтобъ видѣть его утвердившагося въ склонности къ ея дочери, узнавъ ее лучше. Отецъ строитель не желая ничего болѣе, обѣщался привести къ ней Графа на другой день, и вышелъ вонъ. Сильвiя, которая была свидѣтельницею сего разговора, краснѣла много, и чувствовала себя во время онаго весьма безпокоящеюся. Въ первой еще разъ слышала она ревностную рѣчь о бракѣ, выгода предлагаемаго и разсказыванiе о изящныхъ качествахъ Графовыхъ, возбудили въ сердце ея благополучное для нея предчувствiе, и когда госпожа де Сернанъ изъявила ей, что будетъ весьма довольна, естьли Элемонтъ ей понравится, и сей бракъ совершится, тогда возчувствовала отъ того удовольствiе, извѣщающее ей тайно то дѣйствiе, кое надъ ней присутствiю Графову произвесть надлежало.

Мнимый

Мнимый Капуцинъ съ своей стороны услышалъ съ восхищенiемъ о успѣхѣ производства строителева, и въ слѣдующей день скинувъ съ себя монашескую рясу, надѣлъ свѣтскую одежду, ожидая съ нетерпѣливостiю часа свиданiя. Естьли Графъ казался строителю достойнымъ вниманiя подъ одеждою удобною паче погребсти нежели оказать прiятности; то былъ онъ предмѣтомъ его удивленiя подъ тою, которая приличествуетъ тѣмъ, коими природа его украсила; и радуясь, что вывелъ изъ заблужденiя человѣка обладающаго толикими прiятностьми, возчувствовалъ умноженiе своего желанiе, чтобъ здѣлать его счастливымъ; и присоединя ко строгимъ титуламъ охуждателя и наставника, титулъ нѣжнаго и прямаго друга, здѣлалъ себѣ изъ того законъ, чтобъ руководствовать имъ такъ, какъ будто бы былъ онъ ево сынъ, а Графъ, коего разумъ и сердце совсемъ преобразились, будучи исполненъ искреннного благодарностiю, соотвѣтствовалъ его благодѣянiемъ откровенностiю и почтенiемъ. Въ сихъ мысляхъ бу-

дучи пошли они къ госпожѣ де Сернанъ, которая ожидала ихъ одна съ Сильвіею; любовь, которая ожидала только сего свиданія, дабы отнять свободу у сей прекрасной дѣвицы, которую она съ толикимъ раченіемъ хранила, не пропустила сея минуты; и Графъ, которой смѣшалъ тогда благоразуміе и воздержаніе, кои почерпнулъ онъ въ монастырѣ боментскомъ, съ благороднымъ видомъ знатнымъ особамъ приличнымъ, такъ ее поразилъ, что она прежде была побѣждена, нежели усмотрѣла свою побѣду. Госпожа де Сернанъ не менѣе имъ плѣнилась, и Графъ возбужденный желаніемъ понравиться, показалъ столько разума, почтенія и нѣжности, что одержалъ совершенную побѣду надъ дочерью и матерью.

Толь великое было различіе между Сильвіею живою, прекрасною, бодрою, оказующею на лицѣ своемъ смѣшеніе розъ и лилей, и пришедшею въ совершенство здоровья, отъ Сильвіи помертвелой, обезображенной, охладенѣлой закрывшей глаза, и растянувшейся подъ саваномъ, что не возможно было Графу ее узнать:

нать; притомъ же какъ приключенїе ево никогда ему на память не приходило, не возбудивъ въ немъ омерзѣнїя, сверьхъ того почиталъ онъ уже привидѣнїемъ тѣ красы, кои чаялъ тогда видѣть, и былъ тогда весьма увѣренъ, что то было не иное что какъ мертвой трупъ, потому и неимѣлъ объ томъ нималѣйшихъ тогда мыслей. разговоръ былъ нѣженъ и учтивъ съ обѣихъ сторонъ, и хотя каждой старался не открывать всѣхъ своихъ мыслей при перьвомъ семъ свиданїи, однако довольно было сказано, дабы сообщить взаимно другъ другу то удовольствїе, которое всѣ имѣли, чтобъ видѣться, и дабы дать другъ другу знать, что не малаго труда разлучїе имъ стоить будетъ.

Съ сего дня Элмонтъ не проводилъ ни одного не видѣвъ Госпожи де Серканъ и любезной ея дочери, ниже не отдавая точнаго отчету строителю о производимыхъ имъ надъ сердцами ихъ успѣхахъ: радость сїявшая изъ глазъ ихъ при его приходѣ, старанїе прилагаемое ими, дабы не пускать къ себѣ никого, когда онъ у нихъ находился

а наипаче нѣкоторой видъ пріятности и угожденія, царствующей во всѣхъ поступкахъ прекрасныя Сильвіи, когда она ему говорила, или ево слушала, ласкали ево, что онѣ къ нему благопріятны, и потому вознамѣрился онъ удостовѣрить свое счастіе, изъяснясь обстоятельнѣе, что и учинилъ онъ съ такою пріятностію, что Госпожа де Сернанъ почувствовала отъ того усугубленіе своего почтенія, и объявила ему, что почтетъ день его брака съ ея дочерью за наиблагополучнѣйшій въ своей жизни, и присоединя къ сему признаніе и прекрасныя Сильвіи, здѣлали онѣ его обѣ наисчастливѣйшимъ въ свѣтѣ человѣкомъ; тогда любовь поспѣшествуемая послушаніемъ и должностію, перестала съ сей минуты хранить безмолвіе, и сіи двое любовниковъ предавшись безъ принужденія сладкой надеждѣ, быть соединеннымъ на всегда, совершенно связали узолъ вѣчнаго союза.

Но не смотря на остановленной бракъ и на данныя слова въ присутствіи строителя бометскаго, госпожа де Сернанъ, которая была

изЪ числа сихЪ разумныхЪ и строгихЪ женщинЪ, предпочитающихЪ честь всему на свѣтѣ, не оставляла никогда Графа однего сЪ Сильвїею, и хотя была весьма увѣрена о его добродѣтели, однако хотѣла, чтобЪ наистрожайшїя благопристойности были наблюдаемы. ЭлемонтЪ и сїя прекрасная дѣвица, кои имѣли только намѣренїи непорочныя и законныя, были первыя изЪ тѣхЪ, кои хвалили сїю благоразумную поступку; и какЪ она не принуждала ихЪ ни вЪ чемЪ, и онѣ ее любили и почитали, притомЪ же Сильвїя ничего отЪ нихЪ не скрывала; то вЪ присутствїи сея добродѣтельныя матери стократно вЪ каждой день повторяли онѣ другЪ предЪ другомЪ увѣренїи вѣчныя любви и вѣрности. болѣе двухЪ мѣсяцовЪ прошло тикимЪ оббразомЪ, по прошествїи которыхЪ друзья и родственники Графовы потребовали его немедлѣнно вЪ РеннесЪ, объявляя, что все было изготовлено для его прощенїя, и что ожидали его туда сЪ нетерпѣливостїю. Окончанїе сего дѣла требовалось только кЪ ученїю его обладателемЪ дѣвицы де

 СернанЪ;

Сернанъ; онъ не могъ снести сей разлуки, и былъ въ великой отъ того печали, прекрасная Сильвія проливала слезы, мать ее присоединила свои ко онымъ, а Графъ былъ въ отчаяніи; но на конецъ необходимо надлежало ѣхать, увѣреніи вѣчной любви, обѣщаніи, писать другъ ко другу часто, надежда скораго возвращенія, и утѣшеніи строителевы торжествовали надъ печалію и Графъ покинувъ Анжеръ, поѣхалъ въ реннесъ.

Я не остановлюсь на производствѣ его дѣла, извѣстно, какъ оныя происходятъ, скажу только, что все произошло порядочно, и прощеніе Графово послѣдовало къ великому удовольствію его фамиліи и друзей; въ сіе время имѣлъ онъ учрежденную переписку съ госпожею и дѣвицею де Сернанъ, равнымъ образомъ и съ строителемъ бометскимъ; какъ точность, съ коею ему было отвѣтствовано, и нѣжныя увѣреніи Сильвіи свобождали его нѣкоторой части скуки отсутствія, то не успѣлъ онъ вырваться изъ рукъ юстиціи, какъ помышлялъ привесть дѣла свои въ порядокъ

докЪ, дабы ничто не было замедленіемЪ его браку; но нашелЪ оныя вЪ такомЪ неустройствѢ чрезЪ безпорядокЪ прежнія своея поступки, что требовалось ему гораздо болѣе времени кЪ поправленію оныхЪ, нежели онЪ думалЪ, и такЪ принужденЪ онЪ былЪ прожить семь мѣсяцовЪ вЪ РеннесѢ; правда, что сіе время услаждаемо было частыми утѣшеніями Сильвіи и ея матери; но ЭлемонтЪ былЪ столько влюбленЪ, что письма не могли ево награждать за незрѣніе прелестнаго предмѣта его пламѣни, и сіи письма, кои вЪ послѣднее время начали урѣживать либо числомЪ либо слогомЪ, произвели вЪ немЪ скоро толико безпокойства, колико прежде причиняли ему радости; казалось ему, что и отецЪ строитель посреди величайшія дружбы показывалЪ знаки холодности по случаю ево брака, кои не согласовались сЪ жаромЪ изъявленнымЪ отЪ него сЪ начала; все сіе такЪ ево безпокоило, что усугубилЪ свои старанія кЪ окончанію дѣлЪ своихЪ, дабы возвратиться вЪ АнжерЪ.

Но между тѣмЪ какЪ трудился онЪ тамЪ толь ревностно, здѣлалось

лось въ домѣ госпожи де Сернанъ странное приключенїе; по прошествїи мѣсяца послѣ отъѣзда Графова, прекрасная Сильвїя почувствовала въ другъ болѣзнь въ желудкѣ, и толь частую рвоту, что впала отъ того въ задумчивость, которая не дозволяла ей вкушать никакихъ веселостей. Госпожа де Сернанъ приписывала съ перьва сїю перемѣну здоровья отсутствїю Графову, и не упускала ничего того, что могло прогнать оную; Сильвїя, которая имѣла ту же мысль, и не хотѣла печалить мать свою, дѣлала съ своей стороны все что могла, дабы себя принудить, но на конецъ болѣзнь такъ усилилась, что госпожа де Сернанъ опасаясь случаевъ, какїе претерпѣла она за четыре мѣсяца, призвала своего лѣкаря, и просила его освидѣтельствовать. что могло быть причиною худаго здоровья ея дочери. Сей человѣкъ не много употребилъ времени къ открытїю того, искуство его и чинимые Сильвїи вопросы довольно его о томъ извѣстили. Но чудясь безмѣрно, что призвали его для такого дѣла, которое госпожѣ де Сернанъ

нанъ долженствовало быть столько же свѣдомо, сколько ему, и разсуждая по отвѣтамъ Сильвїннымъ, что не знаетъ она или притворствуетъ не знать своего состоянїя, думалъ, что заключается тайна въ семъ дѣлѣ, и что должно ему только изъясниться предъ матерью; и такъ подошедъ къ ней, и отведши ее на сторону. Я удивляюсь, сударыня, сказалъ ей, что вы думали имѣть нужду въ моемъ искуствѣ при такомъ случаѣ, которой съ вами толь часто бывалъ, что вы его позабыть не можете; но ласкаюсь, что зная прїемлемое мною участїе въ томъ, что до васъ касается, воспользовались вы сею околичностїю, дабы изъявить мнѣ вашу довѣренность, увѣдомивъ меня чрезъ то, что прекрасная Сильвїя замужемъ. Все что я вижу принуждаетъ меня думать, что сей бракъ еще хранится тайно; вы не могли онаго поручить въ вѣрнѣйшїя руки; я буду прилагать всевозможное попеченїе о ея беремѣнности, но будьте увѣрены, она имѣетъ только ту болѣзнь, которую необходимо надобно имѣть въ

семъ

семъ состоянiи, и я могу васъ обнадежить о благополучномъ разрѣшенiи.

Можно лехко разсудить о удивленiи госножи де Сернанъ при сихъ словахъ, громовой ударъ упадшiй на главу ея не причинилъ бы ей больше безпокойства; но не сомнѣваясь о наукѣ такого человѣка, которой почитался за искуснѣйшаго въ своемъ вѣкѣ, приняла немѣдленно намѣренiе, и заключа въ сердце своемъ смертельное отчаянiе. Это правда, отвѣчала ему, что Сильвiя за мужемъ, и что я имѣла намѣренiе поручить тебѣ сiю тайну, но она толь малое время жила съ своимъ мужемъ, что ни она ни я не думала ей быть въ объявленномъ тобою состоянiи. Но сiе не сомнѣнно, сударыня, пресѣкъ онъ, и ужѐ тому болѣе четырехъ мѣсяцовъ; это подлинно, и вы можете мнѣ повѣрить; какъ сiе правда, отвѣчала госпожа де Сернанъ, въ такомъ будучи безпокойствѣ, которое едва могла скрыть, то храни о томъ ненарушимую тайну, молю тебя о томъ, это для ней и для ея мужа наиважнѣйшее въ свѣтѣ дѣло, ты погубишь

губишь ихъ обѣихъ, естьли будешь о томъ говорить; я полагаюсь на твое дружество, и пришлю за тобою, когда помощь твоя ей будетъ потребна.

Лѣкарь обѣщался ей быть скромнымъ, и попрося ее, чтобъ чаще за нимъ присылала, оставилъ ее на свободѣ, разсуждать о бѣдственной вѣдомости, которую онъ ей принесъ. Сія несчастливая мать лишь только осталась одна, какъ предалась своей печали, и терзаясь множествомъ различныхъ мыслей, прохаживалась долго большими шагами въ своей комнатѣ, не зная что дѣлала, чево хотѣла, ниже что ей дѣлать надлежало; безчестїе ея, обстоятельство, при коемъ оное послѣдовало, любовь и довѣренность къ добродѣтели ея дочери, кои увидѣла толь жестокимъ образомъ разрушенными, и гнѣвъ, возбужденный таковою досадою въ ея сердцѣ, вперяли въ нее отъ времени до времени изступленїи ужаса, такъ что заколола бы она Сильвїю, естьли бы въ сїи бѣдственныя минуты предстала она ея взору. Между тѣмъ утомленная толикими терзанїями впала

впала въ задумчивость и унынїе, кои суть обычайныя спутницы сильнѣйшихъ страстей; и будучи тогда способнѣе къ разсужденїю, помышляла гораздо благоразумнѣе, и мня, что покроетъ себя вѣчнымъ стыдомъ, естьли нерасположитъ поступки своей по благоразумїю, и что явное открытїе погубитъ совершенно ея дочь, не исправя ея погрѣшности: она успокоилась, и обратя все свое свирѣпство противъ обманщика ея невинности, помышляла только о средствахъ, ево узнать, и принудить къ тому, дабы загладилъ онъ кровїю толь поносную обиду, будучи увѣрена, что то не могъ быть Графъ Элемонтъ, потому что онъ никогда не бывалъ одинъ съ ея дочерью, и не было ни малаго вида, чтобъ человѣкъ хотящїй быть супругомъ, искалъ случая обругать ту, которую намѣренъ взять себѣ въ жену; она предпрїяла принять мѣры, дабы разорвать съ нимъ учтивымъ образомъ, какъ скоро узнаетъ отъ Сильвїи имя ея любовника; для сея причины думая, что хитрость и ласковость будутъ болѣе удобны къ

открытїю

открытїю сея тайны, насилїе и гнѣвъ, употребила новыя силы, дабы себя принудить, и когда думала себя быть довольно твердою къ снесенїю ее взора, тогда велѣла она ее къ себѣ позвать.

Въ самое то время прекрасная Сильвїя получила письмо отъ Графа; она на оное ему написала отвѣтъ, и держала какъ то такъ и другое въ своихъ рукахъ, дабы показать ихъ госпожѣ де Сернанъ, когда вступила она въ ея кабинетъ, никогда не казалась она толь прелестною въ глазахъ своея матери; оплошность ея одѣянїя, которая тѣмъ болѣе приводила ее въ жалость, цѣломудрїе, коимъ прелести ея были провождаемы, стыдливость сїявшая на лицѣ ея, и прїятность, съ коею представила сїи письма своей матери, привели ее въ смятенїе, которое бы Сильвїя конечно примѣтила, естьли бы госпожа де Сернанъ не взяла съ торопостїю сихъ бумажекъ, дабы скрыть свое смущенїе подъ видомъ прилѣжнаго оныхъ чтенїя; она читалала или паче притворялась, будто читала, потому что она безъ сомнѣнїя ничево въ нихъ тогда не

видѣла , а думала только о своемъ нещастіи ; но какъ сей случай доставилъ ей время опомниться , то положила она письма на столъ, и посмотрѣвъ тогда быстро на Сильвію: повѣренность, которую ты мнѣ показываешь , сказала ей , имѣла бы чѣмъ мнѣ нравиться , естьли бы здѣлала ты ее равною той , которую я всегда къ тебѣ имѣла ; но Сильвія , ты довольно худо оной соотвѣтствовала , и попустилась на такія дѣла , кои , боюсь, чтобъ не лишили тебя сердца Элемонтова; правда , что бракъ можетъ загладить твое неразуміе, но толь рѣдко видѣть человѣка постояннаго, когда нѣчего ужъ болѣе желать , что я трепещу , дабы преступленіе твое не принудило тебя испытать жестокой перемѣны. Нещастная Сильвія , примолвила она , испустивъ нѣсколько слезъ , коихъ не могла воздержать ; и такъ стараніе прилагаемое мною къ веденію сердца твоего къ премудрости ; и къ просвѣщенію всѣхъ твоихъ поступокъ не могло тебя освободить отъ того, чтобъ не впасть въ безпорядокъ толь противной тому мнѣнію , которое

торое я о тебѣ имѣла. Ты не должна сомнѣваться, чтобъ не желала я усердно для соблюденія моея и твоея чести, дабы Графъ произвелъ въ дѣйство свои обѣщаніи; несмотря на слабость, которую ты къ нему имѣла, еще хочу и ласкать тѣмъ себя; но Сильвія, не нахожу я тѣмъ тебя менѣе виновною, и не менѣе щитаю себя однакожъ тѣмъ противъ тебя огорченною.

Невинность не легко оскорбляется, и хотя слова госпожи де Серанъ показались Сильвіи ужасными; однако не зная чемъ себя упрекать, и думая, что въ силахъ испровергнуть ея подозрѣніи, не очень она тѣмъ потревожилась, и бросивъ на нее взоръ наполненный горячностію: Не знаю, сударыня, отвѣчала ей, съ прискорбностію, какое изъ моихъ дѣлъ побудило васъ толь худо думать о моихъ поступкахъ, невѣдомо мнѣ, на какія бы попустила я себя съ Графомъ вольности, кои васъ раздражаютъ, ниже чемъ навлекла я на себя отъ васъ толь чувствительныя укоризны. Единственно по согласію вашему послѣдовала я склонности

моей къ элементу. Единственно въ присутствіи вашемъ объявила я ему свои чувствованія; я не получала отъ него никогда писемъ, и не писала ему отвѣтовъ, не показывая вамъ оныхъ, напослѣдокъ я не удалялась никогда отъ добродѣтельныхъ тѣхъ правилъ, кои вы мнѣ предписали, и смѣю васъ обнадежить, что Графъ не перемѣнитъ никогда склонности, естьли надобно будетъ ему перемѣнить только ради той слабости, въ коей вы меня подозрѣваете. Чистосердечіе толь живо было написано на лицѣ сея прекрасныя дѣвицы, что естьли бы Госпожа де Сернаръ не была о состояніи ея удостовѣрена, то бы не возможно ей было сомнѣваться о ея невинности; но пріемля за дерзость ея увѣреніе и непоколебимость, попустила свободное теченіе своему свирѣпству, и язвительнѣйшими вымыслами, подала ей знать причину своего гнѣва, что не Графъ тотъ, котораго она обвиняетъ въ ея поношеніи, и грозила ее умертвить, естьли не назоветъ она недостойнаго его совмѣстника.

Удивленіе

Удивленіе печальныя Сильвіи легче себѣ вообразить, нежели описать можно, и разсуждая нѣсколько о своихъ необыкновенныхъ припадкахъ, не сомнѣвалася болѣе о истиннѣ, и пришла отъ того въ великой ужасъ, но тѣмъ не съ меньшею твердостію утверждала свою невинность, и какъ гнѣвъ ея матери причинилъ ей больше печали, нежели ужаса, то почувствовала отъ того возбужденіе своего смѣльства, и открывъ ей грудь свою, просила ее себя удовлетворить, естьли кровь ея нужна къ успокоенію ея гнѣва, чо молила ее быть увѣренной, что не подавала она никогда поводу къ сему страчному произшествію; что не любила она во всю жизнь свою никого кромѣ Графа Элемонта, что онъ одинъ, коего не убѣгала она, что нѣтъ никого въ свѣтѣ, ктобъ могъ похвалиться, что бывалъ съ нею одинъ, и что не знаетъ она со всѣмъ времени, причины и виновника своего несчастія

Все насиліе госпожи де Сернанъ не воспрепятствовало ей быть матерью; поступка Сильвіина ее обезоружила,

зоружила, но не вывела изъ сомнѣнія, и невоображая себѣ, чтобъ могла она быть безвинна, думала, что къ безумію присоединяетъ она притворство, и осыпавъ ее ругательствами, не могши извлечь изъ ней желаемаго признанія; послала ее въ свою комнату, запретивъ выходить изъ оной, и достигши до сего степени гнѣва, которой выводитъ изъ предѣловъ разума, побѣжала въ монастырь реколетской, сыскала Строителя, и преисполненна будучи своимъ несчастіемъ разсказала ему про то въ такихъ выраженіяхъ, кои доказывали равно ея отчаяніе и добродѣтель.

Почтенный сей отецъ былъ тѣмъ жестоко тронутъ, и какъ время состоянія Сильвіина не сообразовалось нимало съ тѣмъ, въ которое Графъ вошелъ въ домъ ихъ въ первой разъ, то былъ удостовѣренъ, что не возможно было ево въ томъ обвинять; сей случай тѣмъ болѣе причинилъ ему досады, что онъ бы клялся о благоразуміи дѣвицы де Сернанъ, и что въ прочемъ ему невозможно было принудить Элемонта на ней жениться, почитая еще

еще и за необходимость его отъ того отвратить, дабы не вовлечь его въ такое дѣло, въ которомъ честь его принимала участїе: онъ не скрылъ ничего о своихъ мысляхъ предъ госпожею де Сернанъ, и сказалъ ей откровенно, что не довлѣетъ ей болѣе полагаться на союзъ его прїятеля. Сїя неутѣшная мать объявила ему предварительно, что предвидѣла она уже сей разрывъ, но просила его помочь ей здѣлать оной съ умѣренностїю и узнать отъ Сильвїи имя того, котораго упорствовала она отъ нее таить, надѣясь, что будетъ она гораздо покорнѣе ему по его званїю, и менѣе возъимѣетъ затрудненїя объявить ему про оное.

Старецъ обѣщался притти къ ней въ вечеру, и говорить съ дѣвицею де Сернанъ, а потомъ взять мѣры пристойнѣйшїя къ тому, чтобъ разорвать съ Графомъ заключенной договоръ. Госпожа де Сернанъ утѣшенная симъ разговоромъ возвратилась въ свой домъ, а между симъ временемъ несчастная Сильвїя оставленная самой себѣ проливала слезъ источники. будучи удосто-

вѣрена о своей невинности, взирала съ толикимъ же удивленіемъ, съ коликою печаліею, что не можетъ болѣе инако быть какъ предметомъ презрѣнія Графова; она имѣла толико разума, что не могла охуждать легкомыслія своея матери, и понимала, что все ею утверждаемое сколь оное ни справедливо, должно быть весьма странно, потому что сама она таковымъ оное находила; такъ что самое то что составляло спокойствіе ея совѣсти, составляло такожде и причину ея отчаянія. Но сіе доводило ее до крайности, что теряла она почтеніе одного человѣка, къ коему сердце ея было чувствительно, чтобъ не имѣли нескромности открыть ему ево несчастіе, или чтобъ приняли другой видъ, дабы не устоять предъ нимъ въ словѣ; она видѣла со всѣхъ сторонъ, что будетъ онъ имѣть право обвинять ее невѣрностію и вѣроломствомъ; сама почитала то за пунктъ нѣжности, чтобъ способствовать къ побужденію его не думать больше о семъ бракѣ, не будучи болѣе достойна его горячности, и не чув-

ствуя

ствуя себя довольно смѣлою, чтобъ предстать очамъ его послѣ таковаго происшествія; однако желала, чтобъ узналъ онъ внутренность ея души, и чтобъ увѣдомленъ онъ былъ въ самомъ дѣйствіи, дабы удостовѣрился онъ о ея благоразуміи и постоянствѣ, и сожалѣлъ бы о ней, не укоряя такими мыслями, коихъ она не заслужила. Но какъ желаемое ею не согласовалось нимало съ тѣмъ, что доказывало малое стараніе, кое имѣла она о своей славѣ, то почувствовала она себя вдругъ терзаемою стыдомъ и печалію; она погружена была въ сіи жестокія размышленіи, когда донесли ей о прибытіи Строителя бометскаго; и не сомнѣваясь чтобъ не долженствовала она симъ посѣщеніемъ жалобамъ госпожи де Сернанъ, и чтобъ не былъ онъ извѣщенъ о ея состояніи, приняла его какъ такая особа, которая менѣе печалилась о увѣщаніяхъ, кои могъ ей дѣлать, нежели увѣрена о утѣшеніи, которое могла почерпнуть изъ словъ его.

Но почтенный сей старецъ предваренный сказаннымъ ему госпожею де Сернанъ, и раздраженный тѣмъ

самъ по справедливости, что вмѣшался въ сіе дѣло, не могъ себя довольно принудить, чтобъ не говорить ей съ строгостію. Сильвія была тѣмъ тронута; но пребывала всегда спокойна и умѣренна; она слушала его непрерывая, и когда перестаъ онъ говорить, тогда отвѣчала ему съ почтеніемъ; что она не знаетъ того, чего достойно преступленіе, коимъ ее обвиняютъ, и въ коемъ кажется она быть тѣмъ болѣе виновною, что не имѣетъ къ поданію никакова опыта о своей невинности, кромѣ той самой невинности; что не можетъ она отрицаться отъ своего состоянія; что не имѣетъ она намѣренія приписывать то чуду, ниже приводить себя въ безопасность отъ гнѣва своея матери, хотя удостовѣрять о невозможномъ, но что не взирая на все сіе увѣряетъ всѣмъ тѣмъ, что есть святаго, что не имѣетъ нималѣйшаго свѣденія о началѣ своего несчастія.

Строитель взиравшій на сіи слова такимъ же окомъ, какъ и госпожа де Сернанъ, употребилъ все, что почиталъ за удобнее, побудить ея

къ премѣненію сихъ словъ, но не успѣвалъ въ томъ, и чувствуя, что терпѣливость его начинала умаляться, оставилъ ее, и пошелъ къ госпожѣ де Сернанъ, которой совѣтовалъ, ожидать отъ времени и раскаянія своей дочери, объясненія сея тайны; и боясь, чтобъ упорство Сильвіино не довело сію госпожу до какой нибудь крайности, представилъ ей толь изрядно, что будетъ она сама еще порочнѣе Сильвіи, естьли своимъ невоздержаніемъ причинитъ смерть твари бывшей въ ея утробѣ, что принудилъ не мучить ее болѣе; потомъ согласились онѣ, чтобъ писать нѣсколько времени къ Графу съ такимъ же видомъ, какъ они начали; но чтобъ нечувствительно госпожа и дѣвица де Сернанъ уменшали свою переписку, слагали бы штиль не столь нѣжной; чтобъ Строитель перестаіъ также писать къ нему ласково, и принялъ на себя остатокъ, дабы прервать все обхожденіе.

Учредивъ все сіе такимъ образомъ Строитель вышелъ, а госпожа де Сернанъ велѣла призвать къ себѣ дочь свою, дабы пріуготовить ее къ той

этой поступкѣ, которую ей хранить надлежало. Сей вторичный разговоръ не менѣе былъ чувствителенъ перваго. Сильвія отвѣтствовала слезами, и говорила все одно. Мать ея иногда сжалясь иногда прогнѣвляясь, не была тѣмъ болѣе извѣщена, и приняла намѣреніе сносить свое несчастіе съ терпѣніемъ. Между тѣмъ какъ состояніе Сильвіино, которое надлежало скрывать, и которое становилось ежедневно видимѣе, требовало нѣкоторыхъ предосторожностей, коихъ мать и дочь однѣ принять не могли, то госпожа де Сернанъ разсудила за благо, чтобъ здѣлать участницею сея тайны ту изъ своихъ женщинъ, которая была мамкою Сильвіиною, дабы могла она прилагать потребное стараніе въ таковомъ случаѣ. Валентина [имя сея женщины] имѣла матернюю горячность къ Сильвіи, и жертвовала бы собою съ радостію, дабы ее учинить счастливою Союзъ Графовъ, коего любовь и сватовство ей поручены были, возбуждало въ ней такое удовольствіе, которое заставляло ее позабыть бремя своихъ лѣтъ, и госпожа де Сернанъ не могла по-

ручить

ручить своей печали въ вѣрнѣйшія руки; и такъ вознамѣряся къ тому увѣдомила ее о странномъ дочери ея и своемъ состоянiи, и приказала ей имѣть старанiе о дитятѣ, котораго она принесетъ на свѣтъ, скрывать то отъ познанiя всего свѣта, воспитывать его тайно, и свободить ее отъ смертельнаго неудовольствiя о томъ слышать, объявя ей, что не желаетъ она никоимъ образомъ въ то мѣшаться, ниже принимать участiе въ судьбинѣ сея твари, каково бы оно ни было роду, и что заключитъ она Сильвiю въ монастырь на остатокъ дней своихъ, сколь скоро освободится она отъ позорнаго своего состоянiя.

Никогда удивленiе не было равно Валентинину; но какъ движенiи природы не дѣйствовали въ ней такъ, какъ въ госпожѣ де Сернанъ, притомъ же горячность была проста и чужда отъ чувствъ честности и славы, кои свойственны любви отцевъ и матерей къ своимъ дѣтямъ, то возчувствовала она только безмѣрное сожалѣнiе о состоянiи Сильвiиномъ; и хотя не лучше понимала другихъ, какъ сiе могло случиться, однако

однако такъ была увѣрена о благоразумiи своей питомицы, что не взирая на то, что слышала, не имѣла силы во ономъ сомнѣваться.

Но какъ дѣло не дотого касалось, чтобъ ее оправдать, и все что ни говорили о томъ госпожѣ де Сернанъ ее только распаляло гнѣвомъ, то обѣщалась она ей исполнить свою должность, и увѣрила, что тайна будетъ нерушимо хранима. Прекрасная Сильвiя не преминула обрѣсть великую отраду въ повѣренности своея матери къ Валентинѣ, и удовольствiе, что могла жаловаться на свою судьбину такой особѣ, которая показывала себя чувствительною, не приводя ее въ стыдъ, не мало способствовало къ ея утѣшенiю, и побудило ее провождать время съ меньшимъ отчаянiемъ; срокъ ея приближался, и госпожа де Сернанъ трепещущи чтобъ не примѣтили перемѣны ея вида, приказала ей лечь въ постелю, какъ скоро увидѣла, что не можно ей болѣе то скрывать. Во все время Графъ получалъ обѣ нихъ извѣстiе безъ немногаго нарушенiя; и хотя печальная Сильвiя не могла себя преодолѣть, чтобъ вмѣшивать

въ

въ свои писма сей видъ радости и горячности, коими прiобыкла ихъ наполнять, ибо склонность его была такъ сильна, что не могла она не изъявить ему какой нибудь искры невиннаго усердiя, коимъ къ нему пылала, однако влюбленный Элемонтъ не могъ во оныхъ познать ничего такого, чтобъ могло его опечалить.

Но когда пересталъ онъ въ другъ получать оные, и письма Строителевы не увѣдомляли ево болѣе ни о чемъ другомъ, какъ о непостоянности мiрскихъ вещей, и о маломъ уповании, которое человѣкъ разумной долженъ возлагать на оныя, также и объ отвращенiи отъ ложныхъ блаженствъ сего мира; тогда страхъ, печаль и ревнивость овладѣли ево душею, и не могши болѣе противиться своей колѣблемости, отписалъ онъ къ Строителю, что бросивъ все, прiѣдетъ немедлѣнно въ Анжеръ. Почтенный сей старецъ желая только съ нимъ поговорить, дабы совершенно изцѣлить ево отъ страсти почитаемой имъ безплодною, нанялъ для него квартиру поблизости отъ своего монастыря, и увѣдомилъ, что

что его ожидаетъ, и имѣетъ сообщить ему о дѣлахъ весьма важныхъ для его покоя и чести, кои принудили его просить чтобъ попріѣздѣ своемъ невидясь ни съ кемъ напередъ съ нимъ переговорить.

Нетребовалось болѣе къ поспѣшенію отъѣзда сего нещастнаго любовника; но ласкаясь всегда обладаніемъ Сильвіи, и желая показаться въ глазахъ ея съ частію сіянія своего богатства и своея породы, взялъ онъ съ собою множество потребныхъ для себя служителей, и прибылъ въ Анжеръ, имѣя достойной при себѣ экипажъ. Перьвое его стараніе было итти въ монастырь, и между тѣмъ какъ служители ево занимали квартиру, побѣжалъ онъ, дабы переговорить съ Строителемъ бометскимъ. Почтенный старецъ началъ сперьва говорить околичностьми, дабы увѣдомить о его несчастіи, извѣстивъ его, что не долженъ онъ помышлять о дѣвицѣ де Сернанъ; но Графъ пресѣкши его съ жаромъ: Почтенный отецъ, сказалъ ему, я уже болѣе не тотъ Элемонтъ, коего сердце и разумъ для приведенія къ добру щадить надлежитъ; ты злѣ-

лалъ

лалЪ меня таковымЪ, каковЪ долженЪ быть честной человѢкЪ, для принятія сЪ твердостію всѢхЪ случающихся вЪ жизни произшествій, и такЪ прошу тебя не скрывать отЪ меня такого дѢла, которое составляетЪ нынѢ все мое упражненіе. Я люблю Сильвію; дни мои безЪ нея не могутЪ быть счастливы, но естьли какимЪ нибудь случаемЪ, коего не предузрѢваю, надлежитЪ мнѢ сЪ нею разлучиться, то буду всячески стараться, чтобЪ не изъявить тебѢ ни малѢйшія слабости, могущей пристыдить тебя вЪ томЪ, что имѢешь ты ко мнѢ дружество: и такЪ говори, отче мой, не умерла ли Сильвія? Не невѢрна ли она? Выведи меня изЪ бѢдственнаго состоянія, вЪ коемЪ нынѢ нахожуся.

Когда такЪ, любезный мой Элемонтъ, отвѢтствовалЪ Строитель, то позабудь на всегда сію Сильвію; она жива, но болѢе тебя недостойна, и я бы измѢнилЪ моему сану и дружеству, естьлибЪ допустилЪ тебя заключить союзЪ таковаго брака; ты имѢешь солюбовника тѢмЪ опаснѢйшаго, что Сильвія

упорствуетъ его скрывать, и предавшись наипредосудительнѣйшему преступленїю, освобождаетъ виновника того отъ должнаго ему наказанїя. Сїя интрига, дражайшїй мой Графъ, примолвилъ онъ, сооружена была прежде нежели ты ее зналъ, и открылась ужѐ не инако, какъ позорными знаками, коиноситъ она въ себѣ о худомъ своемъ поведенїи; несчастная сія мать тѣмъ раздражена; я нахожусь отъ того въ отчаянїи. Но на конецъ надлежитъ тебѣ преодолѣвать себя въ семъ случаѣ, и мужествомъ своимъ лишить меня той печали, что причинилъ я тебѣ оную. Строитель могъ говорить еще болѣе не боясь того, чтобъ былъ пресѣченъ. Удивленїе Графово было толь велико, что не могъ онъ положить тому препоны; онъ здѣлался отъ того неподвижнымъ, думалъ, что то ему во снѣ видится, и не понимая, чтобъ сїя Сильвїя, которую находилъ онъ толь разумною, толь воздержною, и являющею во всѣхъ словахъ и поступкахъ своихъ цѣломудрїе, впала въ подобной безпорядокъ; онъ стоялъ болѣе четвер-

ти

ти часа, не могши вымолвить ни одного слова, а пресѣкши молчанїе сказалъ только, что обманываются, что сїе быть не можетъ, и что никогда онъ тому не повѣритъ.

Сїя неимовѣрность удивила Строителя, и принудила его разсказать обстоятельно про все по отбытїи его произшедшее, и дать ему знать, что можетъ быть въ самую ту минуту, когда онъ говоритъ, Сильвїя разрѣшается отъ плода своего неистовства. Дѣло было толь ревностно, что не можно было въ немъ сомнѣваться; несчастный Элемонтъ весьма въ томъ удостовѣрился. Онъ зналъ честность старцеву и чистоту души его, и будучи увѣренъ, чтобъ не увѣдомилъ онъ его напередъ о такомъ дѣлѣ, естьли бы истинна не была совершенно открыта, не смѣлъ болѣе ласкать себя противнымъ, но тѣмъ больше былъ онъ несчастливъ: однако не хотя показать Строителю всего смятенїя души своей: отецъ мой, сказалъ онъ ему, умѣряя печаль свою, ты разсудишь, что почтенїе мое къ Сильвїи не устоитъ противъ таковаго случая, но при-

 знаюсь

знаюсь тебѣ, что любовь моя не такъ легко можетъ погаснуть, и чувствуя еще безмѣрно, что лишаюсь союза наполненнаго толикими прелестьми, имѣю не малой трудъ, отъ того отвязаться: употреблю къ тому всѣ свои силы, и въ малое время моего здѣсь пребыванія буду почерпать изъ твоихъ совѣтовъ и благоразумныхъ наставленій мужество потребное къ тому, чтобъ покоряться моей судьбинѣ, и быть въ состояніи изгнать неблагодарную Сильвію изъ моего сердца и памяти. При сихъ словахъ попросивъ его, чтобъ дозволилъ ему вытти, пошелъ на свое подворье, терзаясь яростію, стыдомъ и отчаяніемъ.

Какъ скоро онъ туда пришелъ, то переставъ себя принуждать, попустилъ свободное теченіе тѣмъ лютѣйшимъ движеніямъ, коими терзался; все, что ревнивость имѣетъ въ себѣ гнуснаго, представилось его мыслямъ, ненависть, свирѣпство, презрѣніе, любовь и отмщеніе совокупились вмѣстѣ, дабы принудить его къ терпѣнію наижесточайшихъ мученій; принималъ

малъ въ одну минуту тысячу намѣренiй различныхъ, иногда хотѣлъ итти къ Сильвiи и укорять ее безчестiемъ и вѣроломствомъ; иногда помышлялъ о способахъ, чтобъ сыскать недостойнаго совмѣстника, и омыть въ крови его нанесенное предмѣту его пламени поруганiе. Иногда будучи болѣе соболѣзнующъ нежели ревнивъ сомнѣвался о ея преступленiи, почиталъ ее невинною, и сожалѣлъ, что обвиняема она, не будучи виновна; но скоро послѣ того впадая въ прежнiя свои изступленiи, представлялъ ее себѣ еще гораздо порочнѣе, и въ семъ ужасномъ волненiи препроводилъ онъ остатокъ дня. Но на конецъ не могши пребывать на мѣстѣ, ниже успокоить свой разумъ, почелъ за невозможность, чтобъ совмѣстникъ ево могъ укрыться отъ ево поисковъ, и что безъ сомнѣнiя найдетъ онъ его, подсматривая входящихъ въ домъ госпожи де Сернанъ и выходящихъ изъ онаго; и не сомнѣваясь, чтобъ сей любовникъ не имѣлъ съ Сильвiею тайныхъ свиданiй, и чтобъ участiе, кое надлежало ему брать въ ея состоянiи, не принуди-

ло его бродить около дому; вознамѣрился онъ дѣлать тоже, и препровождать ночи въ семъ упражненіи, пока его не узнаетъ, не нападетъ и не убьетъ; и желая исполнить сіе предпріятіе съ той же самой минуты, лишь только увидѣлъ восхожденіе луны, какъ надѣвъ на себя простое платье, и безъ всякаго оружія, кромѣ своея шпаги, началъ ходить около дому.

Сей бѣдственный день былъ печальный тотъ срокъ, въ которой несчастная Сильвія, купно непорочная и обруганная, дѣвица и женщина, свободилась наконецъ отъ вины своего несчастія. Госпожа де Сернанъ, которая была въ семъ случаѣ неумолима, заперлась въ своей комнатѣ, и оставила усердію Валентинину, мать, дитя, и поступокъ такой тайны, которую хотѣла она предать вѣчному забвенію; старая Валентина предостереглась съ первыхъ пріемовъ младыя своея госпожи всемъ тѣмъ, что потребно было къ тому, дабы никто въ домѣ не имѣлъ о томъ свѣденія, и предусматривая почти часъ ея родовъ, увѣдомила одного изъ своихъ

ихъ племянниковъ, котораго почитала разумнымъ и скромнымъ, чтобъ прити ночью ко дверямъ того дому, дабы принять отъ нее дитя, котораго она ему подастъ, для врученія онаго на воскормленіе, пока мѣстъ угодно будетъ Небу, открыть виновника его рожденія. Такимъ образомъ незапный случай привелъ Графа къ сей двери, въ самую ту минуту, когда Валентинѣ надлежало прити туда; онъ ужѐ стоялъ тутъ нѣсколько времени на караулѣ, какъ ефесъ ево шпаги прикоснувшись къ замку̑ причинилъ движеніе тихого удара. Старая Валентина слушавшая позади съ дитятемъ, думая, что то былъ ея племянникъ, отворила тотчасъ дверь, спросивъ весьма тихо: ты ли это Леонтій? Графъ будучи внѣ себя, и не зная что дѣлалъ, отвѣчалъ такимъ же голосомъ, и старуха, коей тѣнь ночная умножала слабость жизни утомленной шестидесятилѣтнымъ бременемъ, приближась къ говорящему: возьми, сказала, отдавъ дитя въ ево руки, здѣлай то, что я тебѣ сказала, завтра ты обо мнѣ услышишь, и въ ту самую ми-

нуту затворивъ двѣри, оставила его въ наистраннѣйшемъ положенiи.

Онъ не сомнѣвался, чтобъ то, что онъ держалъ, не было предмѣтомъ потерянiя ево надежды, и какъ свирѣпство вперенное въ него сею мыслiю, возбуждало въ немъ несродное ему безчеловѣчiе, то первое ево движенiе состояло въ томъ, чтобъ збыть съ рукъ сiю невинную тварь; но небольшой болѣзненный крикъ изшедшiй изо устъ младенца, обезоружилъ во мгновенiе ока гнѣвъ его. Пришедши противъ воли своей въ жалость, внутренность его содрогнулася, и не будучи властелиномъ собственныхъ своихъ поступокъ, прижимаетъ онъ его въ свои объятiи, цѣлуетъ его, проливаетъ слезы, и идучи большими шагами, возвратился въ свой домъ. Вошедъ туда призвалъ своихъ людей, показалъ имъ младенца, сказалъ имъ, что нашелъ его на улицѣ покинутаго, и приказалъ своему камердинеру бѣгать по городу и искать кормилицы, сказывая, что онъ хочетъ имѣть о немъ старанiе.

Хозяйка, которая только лишь отсадила отъ груди своей младенца

да услыша Графа говорящаго таким образом, и разсуждая по его виду и великолѣпному убранству, что он будет щедр и великодушен, взялась за то немѣдленно. Элемонт на то склонился, и приказав вступить ей в свою комнату, приказал распеленать сего неповиннаго младенца; оной был мальчик, и Граф безмѣрно тому обрадовался. Однакож как всѣ его движенія были неохотны, то бывали и такія минуты, в которыя стыдясь своей слабости силился сам смягчиться против того, что чувствовал во внутренности своея души к сему младенцу. Но не борясь тщетно против сильнѣйших склонностей, уступил оным, и дал знать кормилицѣ, что не будет он неблагодарен за стараніе, кое об нем имѣть будет; она взяла онаго к себѣ, и Граф будучи гораздо болѣе отягчен потаенными своими безпокойствами нежели утомлен путем, лег в постелю, гдѣ будучи удален от наслажденія пріятностію сна, размышлял только о странном своем приключеніи, которое здѣлало

его властелиномъ сына его совмѣстника въ такое время, когда искалъ онъ отца, дабы только его умертвить. Жалость, которую не могъ преодолѣть, еще болѣе имъ овладѣла, и чувствуя, что гнѣвъ его противъ Сильвіи, и ненависть къ сему мнимому солюбовнику уменшались, поелику представлялъ онъ себѣ сіе нещастное дитя врученное ему на произволъ отъ служителя, назначенное можетъ быть къ погубленію, дабы лучше скрыть стыдъ его матери; и чтобъ безъ него тотъ человѣкъ, котораго надлежало ему принять, лишилъ бы ужé его жизни, не выходилъ онъ изъ своего удивленія.

Между тѣмъ какъ употребилъ онъ ночь на размышленіе, и проводилъ часть послѣдующаго дня въ томъ же упражненіи, не были спокойнѣе и въ домѣ госпожи де Сернанъ. Сильвія впала въ такую болѣзнь послѣ своего разрѣшенія, что думая умереть, велѣла просить мать свою, чтобъ не отказать ей въ своемъ присутствіи въ послѣдній разъ. Дѣти имѣютъ великой даръ вливать жалость въ

сердца своихъ родителей; мать несчастныя Сильвіи позабывъ сею опасностію причину жалобъ, которую имѣть думала, пошла немѣдленно къ ней, обѣщала возвратить ей свою горячность, и простить ея преступленіе, приневоливая ее наименовать тому виновника.

Умирающая Сильвія такъ возчувовала сіе обращеніе, что мало не умерла отъ радости; но Валентина искусившаяся при таковыхъ случаяхъ, поступала съ такимъ благоразуміемъ въ преподаваемыхъ ей лѣкарствахъ, что удалось ей вывесть ее изъ опасности. Дѣвица де Сернанъ находясь въ меншей опасности, но неласкаясь со всѣмъ изъ оной выйти, обняла мать свою, которая заливалась слезами, и взявъ ея руку и цѣлуя оную со усердіемъ: Клянусь вамъ, сударыня, сказала ей, полученною мною отъ васъ жизнію, которой скоро лишуся, что стала я матерью, того не зная; здѣлайте милость, повѣрьте тому, примолвила она, бросясь въ ея объятіи, и не обращите гнѣва вашего на того безвиннаго, которой причиняетъ мнѣ смерть

смерть, онъ невиноватъ а я того не больше.

Настоящее состоянїе Сильвїино придавало такую имовѣрность словамъ ея, что госпожа де Серланъ пришла отъ того въ новое смятенїе; но какъ опасность сея прекрасныя дѣвицы возобновила въ душѣ ея всѣ движенїи природы, и она совершенно склонна была тогда къ возвращенїю ей горячности, то прозба сїя ее тронула, и побудила ее приказать Валентинѣ итти тотчасъ къ своему племяннику, и побудить его имѣть великое попеченїе о порученномъ ему младенцѣ. Сїя женщина тому повиновалась; но что здѣлалося съ нею, когда подлинный Леонтїй сказалъ ей, что онъ его не имѣетъ; что онъ ожидалъ часть ночи, но не видавъ ее появившуюся, домой возвратился. Никогда печаль не бывала подобна Валентининой; она увидѣла свою ошибку, отдавъ дитя кому нибудь другому, и что не зная ево, не возможно ей ево сыскать. Неразумїе ея привело ее въ отчаянїе, и не зная что дѣлать въ семъ недоумѣнїи, вознамѣрилась итти къ Строителю реко-

реколетскому, разсказать ему про свое несчастїе и просить его, чтобъ исходатайствовалъ ей прощенїе у госпожи де Сернанъ; послѣ сего проэкта направила она путь къ монастырю; Графъ Элемонтъ вышедшїй изъ своего дому въ самую сїю минуту, увидѣлъ ее изъ далека, и вообразя себѣ, что была она повѣренною всей сей тайны, и что посредствомъ ея Сильвїя видѣлася съ своимъ любовникомъ, хотѣлъ въ томъ изъясниться, чего бы то ему ни стоило: ему пришло и то на мысль, что сей самый Леонтїй, за коего она ево почла, могъ быть сей надмѣру счастливый солюбовникъ, и что употребивъ угрозы и награжденїи извлечетъ онъ изъ нея сїю бѣдственную тайну. Въ сихъ мысляхъ подошелъ онъ къ ней, и удержавъ ее заруку: Валентина, сказалъ ей, я тебя держу, и ты увѣдомишь меня о поступкахъ Сильвїиныхъ, или не умрешь инако, какъ отъ моея руки.

Взоръ Графовъ, коему думала она быть въ ренньсѣ, свирѣпство, коимъ слова его были провождаемы, присоединясь къ потаенной причинѣ, которая уже ее тревожила, возбу-

дили

дили во всемъ тѣлѣ ея дрожаніе: она думала упасть къ ногамъ его, и воззрѣвъ на него такими глазами, въ коихъ написанъ былъ страхъ: я не могу ничего сказать о Сильвіи, отвѣчала она ему, она больше сожалѣнія достойна нежели виновна; и ты бы былъ наинесправедливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ, естьли бы похотѣлъ требовать отъ меня отчета въ случившемся съ нею: сіи слова меня не удовлетворяютъ, пресѣкъ онъ, я знаю все; ты не можешь больше ничего отъ меня скрыть; послѣдуй за мною, продолжалъ онъ, принуждая ее итти, войди въ домъ мой, и изъясни мнѣ то, что желаю я вѣдать. Бѣдная Валентина болѣе мертвая нежели живая, не отвѣчала ничего, и допустивъ себя тащить вошла въ домъ и въ комнату Графову, ни видя, ни слыша, и какъ преступница ожидающая приговора казни. Но Элемонтъ какъ скоро находился съ нею одинъ, то съ сердцемъ наполненнымъ вздохами и съ глазами орошенными слезами: успокойся, Валентина, сказалъ ей, сколь Сильвія ни недостойной кажется моея любви, однако я

ее

ее обожаю, и готовЪ лучше скрыть стыдЪ ея, нежели обнародовать оной такимЪ негодованiемЪ, которое его исправить не можетЪ, но надобно наименовать мнѣ моего совмѣстника, и увѣдомить меня, кто таковЪ сей Леонтiй, которому хотѣла ты вручить вЪ сiю ночь плодЪ поруганiя вѣроломныя твоея госпожи. О небо! пресѣкла старуха нѣсколько оправившись; что? ты ето знаешь? и несвѣдомо ли тебѣ также, куда дѣвалося сiе злощастное дитя?

Знаю, отвѣчалЪ ГрафЪ, но не увѣдомлю тебя о томЪ прежде, пока не признаешься мнѣ вЪ истиннѣ, говори, не бойся ничего, и будь обнадежена о моей благодарности.

Увы! отвѣчала она, бросясь кЪ ногамЪ ево, что хочешь ты отЪ меня увѣдать, великодушный ЭлемонтЪ, и какЪ могу я тебѣ открыть такую тайну, которая всѣмЪ намЪ непроницаема: я бы дозволила себя зжечь живую прежде, нежелибЪ возъимѣла подозрѣнiе о добродѣтели Сильвiиной. Я имѣла попеченiе о ея дѣтствѣ, она перешла изЪ рукЪ моихЪ вЪ руки своея родительницы; мы не теряли ее никогда изЪ виду, и одна

одна смерть ея могла насъ принудить къ тому, чтобъ ее покинуть. Она умерла! вскричалъ Графъ, коего слова сїи пронзили до внутренности сердца; и какъ безмѣрная его печаль воспятившая ему продолжать, подала знать Валентинѣ его заблужденїе, то старалась она его вывесть изъ онаго, и начавъ говорить: нѣтъ, сказала ему, она жива, и утверждаетъ всегда, что не имѣетъ нималѣйшаго свѣденїя о своемъ несчастїи. Но смерть, о которой я тебѣ теперь сказала, состоитъ въ томъ, что около девяти до десяти мѣсяцовъ назадъ, больше или меньше, это все равно, нашли мы Сильвїю охладѣнѣвшую и безъ чувства, и какъ никакїя лѣкарства не могли возвратить ей жизни, то госпожа обремененная печалїю, я и всѣ служители покинули домъ, и оставили тѣло покойницы, и старанїе о погребенїи нашему откупщику. Но по величайшему счастїю, за нѣсколько часовъ предъ погребенїемъ подала она знаки жизни, кои причинили такой ужасъ одному Капуцину стерегшему ее, что оной обратился въ бѣгъ, и мы никогда его

больше

больше не видали; откупщикъ нашъ не менѣе ощущалъ онаго; и какъ на крикъ ево прибѣжали мы къ Сильвіи, то увидѣли, что признанное нами за смерть, былъ только отъ слабости произшедшій обморокъ.

Сіи слова поразили Графа, приключеніе ево пришло ему на память, чрезвычайное волненіе терзало ево сердце; и посмотрѣвъ пристально на Валентину: въ какое время, спросилъ онъ, и въ какомъ мѣстѣ здѣлался сей обморокъ?

Я сказала тебѣ почти о времени, отвѣчала она; что же до мѣста, то оное было на дачѣ у госпожи лѣжащей на Реннеской дорогѣ, не подалеку отъ мѣста называемаго *три мужа*. боже великій! вскричалъ Графъ съ восхищеніемъ, неповинная Сильвія! какое добро можетъ наградить тѣ напасти, которыя я тебѣ причинилъ? Валентина, продолжалъ онъ, давъ ей кошелекъ Луидоровъ, я не могу тебя довольно наградить за сказанное мнѣ тобою. Окончевай даровать мнѣ жизнь, побѣжимъ къ госпожѣ де Сернанъ, не будемъ медлить, пойдемъ, я умру предъ ногами ея съ печали и радости. Доброушная

душная Валентина изумленная отъ толь скорой перемѣны, и видя его какъ человѣка внѣ себя бывшаго, не знала, что дѣлать, и что отвѣтствовать; но онъ не давъ ей времени разсуждать; не сомнѣвайся, сказалъ обнявъ ее; поди, проводи меня; я не могу быть спокоенъ, пока не увижу Сильвію; и въ тужъ минуту, не озираясь, слѣдуетъ ли сія женщина за нимъ, или нѣтъ, побѣжалъ онъ къ госпожѣ де Сернанъ.

Сія госпожа только лишь вступила въ свою комнату, оставя прелестную дочь свою въ готовности предаться сну: она сидѣла въ креслахъ, размышляя глубокомысленно о семъ семъ чрезвычайномъ произшествіи, какъ услышала кого то къ себѣ подходящаго большими шагами: прогнѣваясь, что впускаютъ къ ней людей безъ докладу, встала, дабы узнать, кто ето таковъ; но Графъ представился вдругъ ея взору, и лежалъ еще прежде у ногъ ея, нежели она покинула свое мѣсто. Что вижу я, вскричала она, несчастный Элемонтъ! чего пришелъ ты здѣсь искать?

Прощенія

Прощенія за мое преступленіе, отвѣчалъ онъ ей, обнимая ея колѣна. Такъ, сударыня, примолвилъ онъ, Сильвія безвинна, а я наивиновнѣйшій изъ всѣхъ людей. Что, Графъ, сказала ему госпожа де Серванъ, посмотрѣвъ на него со удивленіемъ; возможно ли, чтобъ употребилъ ты во зло мою благосклонность, а естьли то такъ, то какъ оправдаешь ты Сильвію, ибо на конецъ, продолжала она, сіи слова и твои изступлeніи не объ иномъ чемъ меня увѣряютъ, какъ о томъ, что знаешь ты вину слезъ моихъ. Такъ, сударыня, съ жаромъ отвѣчалъ Элемонтъ; но не нужно сказывать тебѣ теперь то, что я знаю, не о томъ рѣчь, чтобъ увѣдомить тебя о томъ, чево ты не знаешь: Я не употребилъ во зло твоихъ милостей; и со времени моея любви, почтеніе мое не умалялось; однакожъ еще то повторяю, Сильвія безвинна, а я одинъ преступникъ. Ахъ! боже великій! сколь права сія обожаемая дѣвица! какое оскорбленіе! какія несправедливыя подозрѣніи! милостивая государыня, примолвилъ онъ, я не могу изъяснить тебѣ моего преступленія,

не причинивъ тебѣ поношенія: и сіе объявленіе принудитъ меня умереть отъ стыда! вспомни только о обморокѣ добродѣтельныя твоея дочери, и о старцѣ стрегущемъ ея во время сея мнимыя смерти. И такъ, продолжалъ онъ, я тотъ несчастный, Сильвія моя супруга, а сынъ ея сынъ мой.

Госпожа де Сернанъ поняла немедлѣнно, что заключали въ себѣ сіи слова; и приведши себѣ на память то, что разсказывали ей о скоропостижномъ побѣгѣ Капуциновомъ, не сомнѣвалась въ томъ, чего Графъ не смѣлъ ей сказать; но удаливъ изъ ума своего то, что сіе произшествіе имѣло страшнаго, дабы видѣть только послѣдствіе онаго, положила она ему руки на шѣю, и обнявъ его съ горячностію: О сынъ мой, сказала ему, поди и возврати жизнь той, которой возстановляешь ты честь.

Графъ соотвѣтствовалъ ея ласковости радостными восклицаніями, кои не дозволяли ей сомнѣваться о томъ, что происходило въ его сердцѣ; но онъ просилъ ее, чтобы не открывать Сильвіи такого дѣла,

коимъ

коимъ онъ непрестанно себя укоряетъ; желая щадить ея стыдливость, и боясь, чтобъ горячность ея къ нему отъ того не премѣнилась, предоставя для себя здѣлать ей сїе опасное объясненїе тогда, когда бракъ доставитъ ему такїя права, коими не дерзалъ еще наслаждатися. Сїя умѣренность крайнѣ госпожѣ де Сернанъ полюбилась; и дабы ничего не отваживать въ такомъ состоянїи, въ коемъ сїя прекрасная дѣвица находилась, то положили они, чтобъ отецъ Строитель пошелъ къ ней и обнадежилъ ее, что мать ея, Графъ и онъ, свѣдущи о ея невинности, отдаютъ ей справедливость, и въ доказательство сея истинны, Элемонтъ будетъ ея супругомъ, какъ скоро встанетъ она съ постели, и находитъ ея гораздо достойнѣе прежняго, чтобъ быть его женою; госпожа де Сернанъ присутствуя при семъ разговорѣ, хотѣла утверждать оной всею своею горячностїю, а потомъ и Графъ вознамѣрился предъ нее предстать.

Послѣ сего распоряженїя Элемонтъ увѣдомилъ госпожу де Сернанъ о всемъ произшедшемъ между имъ и Валентиною,

тиною, какимъ приключенiемъ младенецъ достался ему въ руки, и какъ незапный случай, здѣлалъ его соперникомъ и повѣреннымъ самому себѣ. Какъ они перестали говорить, то увидѣли сiю женщину вшедшую съ Строителемъ, за коимъ она сходила, дабы окончать тѣ безпокойства кои причинило ей свирѣпство, великодушiе и восхищенiи Графовы: по обьявленiю ея, почтенный сей старецъ проникнувъ причину толикихъ движенiй, и разсудя, что присутствiе ево потребно, не допустилъ себя о томъ просить; Графъ лишь только ево увидѣлъ, какъ побѣжалъ къ нему на встрѣчу; но строитель не давъ ему времени изъясниться: Поздравляю тебя, любезный Элемонтъ, сказалъ ему, я пришелъ взять участiе въ твоей радости, и сказать госпожѣ, что какъ наставникъ твой и ея другъ, могу ее обнадежить о благоразумiи ея дочери, и о желанiи, которое имѣешь ты, чтобъ исправить твою погрѣшность.

Госпожа де Сернанъ была болѣе удовольствована, нежели чтобъ испрашивать новаго изъясненiя, она благодарила Строителю, и просила

его произвесть то, что онѣ намѣрѣ положили. Валентина имѣла повелѣніе ничего не сказывать, и посмотрѣть, проснулася ли младая ея госпожа; она уже была проснувши, и совершенно оправилась отъ бывшаго въ ночи припадка. Строитель, Графъ и Госпожа де Сернанъ пошли тотчасъ къ ней, но Элемонтъ остановился у ногъ кровати, коея занавѣсъ былъ задернутъ, дабы показаться къ стати. Прекрасная Сильвія побледнела увидя старца, онъ то примѣтилъ; и посмотрѣвъ на нее веселымъ лицемъ: Не смущайся, дочь моя, сказалъ ей, я пришелъ объявить тебѣ вѣсть благопріятную, мы всѣ обнадежены о твоей добродѣтели: Графъ Элемонтъ тебя почитаетъ, и ожидаетъ только твоего выздоровленія, дабы дать тебѣ свою руку. Ты знаешь опытомъ, примолвилъ онъ, что есть тайны, коихъ не можно или не должно проникать, и такъ прошу тебя, не испытывать етой, супругъ твой увѣдомитъ тебя объ ней, когда будетъ къ тому время; довлѣетъ тебѣ только узнать, что мы всѣ познаемъ твою невинность,

ность, и что Провидѣніе не дѣлаетъ ничего инаго опричь того, что служитъ къ благосостоянію человѣческому.

Отче мой, отвѣчала она ему, пришедъ отъ страха въ себя, я пріемлю преподаваемую тобою мнѣ радость съ толикою же довѣренностію, съ коликимъ признаніемъ твоего благодѣтельства. Не хочу проникать причины справедливости, кою отдаютъ мнѣ толь любезныя особы, но будучи весьма счастлива, что родительница моя и Графъ признаютъ меня достойною своея горячности, не требую я отъ послѣдняго, чтобъ исполнилъ онъ свои обѣщаніи. Знаю, что я не виновна, но не могу перестать быть оною предъ его глазами; чемъ больше отдаетъ онъ мнѣ справедливости, тѣмъ больше долженствую я имѣть попеченія о его славѣ; сколь я ни безвинна, однако тѣмъ не менѣе обругана; и не желаю впредь ничего, кромѣ наистрожайшаго уединенія, дабы препроводить остатокъ дней моихъ.

Нѣтъ, дражайшая моя Сильвія, вскричалъ Графъ, бросясь на колѣни

въ

въ головахъ ея постели: нѣтъ, дражайшая супруга, ты меня не покинешь, ничто въ свѣтѣ не можетъ меня разлучить съ тобою; узы связующія тебя со мною, не могутъ болѣе разорваться, почтеніе мое запрещаетъ мнѣ говорить тебѣ о томъ болѣе, будь несомнѣнна, что слава моя и твоя требуютъ равно желаемой мною судьбины; и не принуждай меня, побудить тебя краснѣть, что имѣешь меня супругомъ. Сіи слова произвели пріятной румянецъ на лицѣ прекрасныя Сильвіи, она отъ того вздрогнулась, и не знала, что отвѣчать, какъ госпожа де Сернанъ прижавъ ее въ свои объятіи: люби Графа, дражайшая моя Сильвія, сказала ей, онъ одинъ долженъ быть твоимъ супругомъ; и какъ сіи слова утвердили ее въ томъ мнѣніи, которое рѣчь Элемонтова въ нее внушила: я ево люблю, сударыня, отвѣчала ей, подавъ руку свою Графу, потому что вы то приказываете, и признаюсь, что пріятно мнѣ долженствовать одному ему исправленіемъ невинности и благоденствіемъ моея жизни.

Счастливый Элемонтъ изъявилъ сїе признанїе всемъ тѣмъ, что любовь могла внушить нѣжнаго; хотя присутствїе Строителево и побуждало его себя принуждать. Послѣ сихъ перьвыхъ восхищенїй, старались только о выздоровленїи Сильвїиномъ, и о пріуготовленїяхъ къ ея браку. Графъ не покидалъ ее больше, и присудствїемъ и старанїями своими, успокоивъ ее совершенно, ускорилъ время назначенное къ таковымъ выздоровленїямъ; и когда могла она показаться, не подавая нималаго подозрѣнїя, тогда удостовѣрила благоденствїе своего любовника и свое союзомъ брака торжествованнаго великолѣпно. Графъ не позабылъ тѣхъ обрядовъ, коимъ надлежало доставить сыну его должное состоянїе; и при семъ то случаѣ прекрасная Сильвїя, ставшая Графинею Элемонтшею, провѣдала о странномъ произшествїи, здѣлавшемъ ее матерью.

* *

*

XVII. НОВОСТЬ

ВЕСТАЛА.

Какъ отъ паденія Римскія Имперіи произошли многія королевства, кои долженствуя тому своимъ возставленніемъ, почитали за честь имѣть одинъ титулъ провинціи сея огромныя Монархіи, то увидѣли въ тѣхъ частяхъ свѣта, кои она власно какъ въ оковахъ содержала, великое число владѣльцевъ, кои желая себѣ присвоить области другихъ производили продолжительныя и жестокія войны. Наиотдаленнѣйшіе народы возбужденные равнымъ желаніемъ, приходили въ великомъ количествѣ на границы тѣхъ, кои думали имѣть только своихъ сосѣдей непріятелями и сопротивниками. Азія, Европа и Африка, избирали себѣ Королей, кои не довольны будучи завоеванными ими землями, переходили въ тѣ. кои наиболѣе имъ противились. Азіатцы простирали завоеваніи свои до Африки, а Африканцы отваживались переносить ужасъ, мѣчь и огнь въ Европу, и

какъ

какЪ всякой народЪ принялЪ законЪ соотвѣтствующїй болѣе сЪ его честолюбїемЪ или жестокостїю, то произошло ужасное смѣшенїе язычниковЪ, идолопоклонниковЪ и магометанЪ до самаго того времени, когда Всевышнїй обладатель вселенныя предпрїявЪ испровергнуть новую сїю гидру, произвелЪ вЪ наилучшихЪ частяхЪ Европы Хрїстїанскихъ героевЪ толь усердныхЪ кЪ прямому богосложенїю, что не только изгнали отЪ туда сихЪ безбожныхЪ народовЪ, но еще имѣли сЪ ними войну вЪ собственныхЪ ихЪ земляхЪ, разломали ихЪ идоловЪ, посвятили храмы ихЪ единому богу, поставили на оныхЪ крестЪ, и принудили ихЪ ему молиться.

Однако не взирая на ихЪ старанїи и завоеванїи, Сирацины опустошали еще Ишпанїю, идолопоклонничество господствовало у СаксовЪ, а язычничество вЪ Данїи и Норвегїи, какЪ КарлЪ первый поимени, Король Французскїй, и первый восточный Цесарь появился сЪ своимЪ войскомЪ для истребленїя оныхЪ. Сей монархЪ прозванный великимЪ, АвгустомЪ и великодушнымЪ; титлы

лы тѣмъ наипаче великолѣпныя, что онъ былъ оныхъ достоинъ изящными добродѣтельми, коими Небо его одарило, былъ также избранъ, дабы изгнать Мавровъ изъ Ишпанïи, дабы обуздать Саксовъ, и привести ихъ къ познанïю истиннаго бога. Сïя нацïя воинственная, горделивая и безчеловѣчная, ожесточившись въ идолопоклонствѣ имѣла у себя Королемъ государя столь же лютаго сколь храбраго, извѣстнаго подъ именемъ Витикинда, которой иногда повинуясь Карлу, иногда противъ него бунтуя, но всегда побѣждаемъ, сопротивлялся около тритцати лѣтъ вооруженною рукою.

Но между тѣмъ, какъ доставлялъ онъ упражненïе храбрости сего героя, въ сѣверѣ находился такожде одинъ герой, коего воинственная ревность, и неустрашимое мужество начали подавать подозрѣнïе сихъ студеныхъ странъ Монархамъ. Ерихъ или Федерихъ Принцъ Норвежскïй будучи отъ роду двантцати двухъ лѣтъ возвелъ паки на престолъ Аролда своего родственника, коего Король Дацкïй побѣдилъ и взялъ въ полонъ. Храбрый Ерихъ командуя

Норвежцами

Норвежцами вѣрными своему Королю, далъ баталїю Датчанамъ, и одержавъ побѣду, освободилъ Аролда, и принудилъ Дацкаго Короля бѣжать въ свои области; а между тѣмъ Аролдъ завидуя болѣе славѣ Ериховой, нежели чувствуя благодарность за полученную отъ него услугу, помышлялъ только о способахъ, какъ бы ево погубить. Принцъ Норвежскій извѣстившійся о ево неблагодарности, и слышавшій ежедневно молву о великихъ дѣлахъ карла великаго, желая снискать славу, и избѣжать потаенныхъ подъискиваній свирѣпаго и неправосуднаго Монарха, покинулъ ледовитый свой климатъ, и отправился во Францїю, дабы чудиться въ близи сему знаменитому Государю, подражать ему въ добродѣтеляхъ, и слѣдовать стопамъ его въ полѣ Марсовомъ. Ерихъ былъ наидороднѣйшій мущина своего времени, и хотя рожденъ въ такой землѣ, коей натура отказала въ наималѣйшихъ благопрїятностяхъ, однако она забавлялась одаренїемъ его наидрагоцѣннѣйшими качествами, какъ будто бы хотѣла показать, что онъ былъ одинъ изъ своей

ѣй нацiи, коего почла она того достойнымъ. Карлъ обладавшiй самъ всемъ тѣмъ, что дѣлало смертнаго совершеннымъ, плѣнясь, что увидѣлъ въ одномъ семъ чужестранцѣ собственныя свои дарованiи, принялъ его со знаками наисовершеннѣйшаго почтенiя, и здѣлалъ его соучастникомъ всѣхъ своихъ производствъ. Ерихъ ревностный обожатель всѣхъ поступокъ сего великаго Государя, такъ къ нему прилѣпился, что Карлъ воспрiялъ къ нему все то, что дружество можетъ внушить нѣжнаго, и не находя въ немъ другихъ погрѣшностей, кромѣ невѣденiя истинныя вѣры, просилъ его толь усильно, вытти изъ сего мрака, что младый Принцъ, коего душа на то была создана, чтобъ просвѣтиться свѣтомъ вѣры, дозволилъ себя обучать, воспрiялъ крещенiе и здѣлался наиусерднѣйшимъ защитителемъ Евангелiя. Онъ слѣдовалъ за Карломъ въ Ишпанiю противъ Сарациновъ, и во всѣхъ побѣдахъ одержаныхъ имъ въ Нѣмецкой землѣ, посреди которыхъ монархъ Французскiй, увѣдомившись, что бунтующiе Саксы хотятъ еще противо-

борствовать его власти, предпрiялъ ихъ усмирить, и изкоренить идолослуженiе господствовавшее еще въ семъ народѣ.

Но желая испытать побѣдить ихъ ласкою и великодушiемъ, вознамѣрился употребить прежде таковыя средства, нежели приступить ко оружiю. Для сей причины восхотѣлъ послать вельможу отъ своего двора къ Королю Саксонскому, поручивъ ему сказать, что не будетъ онъ болѣе простирать побѣдоноснаго своего оружiя въ его области, естьли похочетъ онъ истребить своихъ идоловъ, опровергнуть кровавыя свои жертвы, и познать истиннаго бога; но притомъ велѣлъ ему обьявить, что естьли отречется онъ отъ сихъ договоровъ, то не вложитъ онъ шпаги своея въ ножны, покамѣстъ не покоритъ всѣхъ Саксовъ подъ свою державу. Храбрый Ерихъ любопытствуя видѣть сей народъ, получилъ отъ Карла позволенiе, провождать посла, и поѣхалъ съ нимъ въ Эресбургъ, гдѣ Витикиндъ тогда находился.

Сей

Сей городъ лежащїй близъ рѣки Имеля, и именуемый нынѣ Штадбергомъ, былъ во упоминаемое мною время знаменитѣйшимъ ѳеатромъ безбожїй идолопоклонническихъ Саксовъ, которые построили тамъ великолѣпный храмъ своему идолу Ирминзулю, фигурѣ представляющей человѣка ополченнаго всѣми оружїями, коего иные почитали Марсомъ, а другїе Меркурїемъ, и которому приносили они на жертву не только наисвирѣпнѣйшихъ изъ лѣсовъ своихъ скотовъ, но и всѣхъ чужестранцевъ попадавшихся въ ихъ руки, либо военными плѣнниками, взятыми на морѣ ихъ разбойниками; ибо Саксы были тогда великїе морскїе разбойники. По сторонамъ храма Ирминзулева были еще два; одинъ для жрецовъ и ихъ первосвященника, а другой заключалъ въ себѣ извѣстное число Весталей посвященныхъ сему мнимому богу. Онѣ повиновались одной носившей на себѣ имя жрицы, которая опредѣлена была для принесенїя на жертву скота, а верховный жрецъ для жертвованїя людей. Храмъ стоялъ посреди лѣсу, около котораго здѣлана была

ограда, дабы содержать воловъ и кабановъ, коихъ почитали достойными жертвами сего бога; и когда одинъ изъ сихъ звѣрей назначенъ былъ одинажды къ сему употребленiю, тогда подъ смертною казнiю запрещено было покушаться на жизнь его, для какой бы причины то ни было. Весталы, жрица, жрецы, и верховный жрецъ не имѣли между собою никакова обхожденiя, и видѣли другъ друга только во дни жертвоприношенiй, и во время ихъ отправленiй. однакожъ какъ сiи Весталы происходили въ сiи достоинства единственно по случаю жребiевъ, вынимаемыхъ тогда, когда надлежало помѣщать на мѣсто той, которая умретъ; то прiучали ихъ къ ловитвѣ, дабы привадить ихъ къ кровопролитiю и звѣрству, которое псы производили въ ихъ присутствiи надъ звѣрями, коихъ они ловили. Но какъ ни одному мущинѣ не дозволялось быть на оной съ ними, нижѐ находиться въ лѣсу во время ихъ ловитвы, то дни къ тому были опредѣлены, и Король самъ не имѣлъ къ тому права, не преступя законовъ, чтобъ забавляться

ся

ся оною въ предписанное имя время, ниже находиться въ тѣхъ мѣстахъ, кои онѣ проѣзжаютъ.

Таковы были обычаи сего варварскаго народа, когда Ерихъ и посолъ прибыли ко двору Витикиндову, представившему взору людей воинственныхъ, невѣжливыхъ, свирѣпыхъ и звѣрскихъ посреди самыхъ своихъ забавъ. Принцъ норвежскій разсудя, что посолъ Карловъ не получитъ ничего отъ сихъ непостоянныхъ и звѣрскихъ умовъ, и что отъѣздъ ихъ скоро по прiѣздѣ послѣдуетъ, оставилъ ево разбирать дѣла государственныя, а самъ спѣшилъ осмотрѣть тамъ все то, что почиталъ достойнымъ любопытства. Онъ смотрѣлъ храмы, былъ свидѣтелемъ суевѣрныхъ обрядовъ тамъ отправлявшихся, и часто покушался переломать Идоловъ, что бы и здѣлалъ несомнѣнно, естьли бы увѣщанiи пословы его отъ того не отвращали.

Онъ хотѣлъ дойти до пристанища Весталъ, дабы видѣть, какимъ образомъ онѣ жили; но не могъ до того достигнуть. Имѣлъ многiе разговоры съ верховнымъ жрецомъ, и

нашедъ его гораздо менѣе склоннаго къ идолослуженію, нежели другихъ Саксовъ, и примѣчая по виду его, что онъ не изъ той земли, усердіе къ христіанству, побудило его желать склонить его на свою сторону, будучи увѣренъ, что примѣръ его воспріиметъ великую силу между народомъ. Верховный жрецъ съ своей стороны, наполненъ будучи удивленіемъ, кое сей юный Принцъ внушалъ во всѣхъ его видѣвшихъ, подавалъ ему знаки толь отмѣннаго почтенія, что возбудилъ въ немъ отвагу говорить ему съ откровенностію о гнусности его состоянія.

Я удивляюсь, говорилъ онъ ему, что есть люди довольно жестокосердные, дабы съ холодною кровію приносить на жертву равныхъ себѣ статуямъ собственными ихъ руками сооруженнымъ, кои слѣдовательно ни малѣйшаго не имѣютъ могущества; и не могу понять, что ты, отче мой, которой кажешься мнѣ имѣть гораздо болѣе прозорливости, нежели сей народъ, здѣлался верховнымъ ихъ жрецомъ, и принялъ на себя чинъ понуждающій

щїй тебя обагрять руки кровїю твоихъ ближнихъ.

Я еще не испыталъ сего несчастїя, отвѣчалъ ему верховный жрецъ, и молю на всякой день боговъ, дабы отвратить отъ меня оное. Только еще тому два мѣсяца, какъ сталъ я верховнымъ жрецомъ. Со времени моего въ то достоинство вступленїя не было еще ни единыя человѣческїя жертвы, и естьли угрозы монарха французскаго возъимѣютъ свое дѣйствїе, то надѣюсь я никогда оными не жертвовать. Тогда Ерихъ просилъ его сказать ему, давно ли онъ у Саксовъ, какой ради причины здѣлали его верховнымъ жрецомъ, признаваясь ему, что почитаетъ его за иностранца, и удивляется, что предпочли его своимъ соотчичамъ. Я изъ Норвегїи, отвѣчалъ онъ ему, множество злополучїй, коихъ повѣствованїе могло бы тебѣ наскучить, привело меня въ сїи мѣста противъ моего желанїя я долженъ былъ лишиться здѣсь жизни; сожалѣнїе моего предмѣстника принудило его соблюсти оную, посвятивъ себя служенїю Ирминзуля. Уже пятнатцать лѣтъ

нахожуся я въ семъ храмѣ. Жизнь уединенная и печальная провождаемая воспоминанїемъ о моихъ бѣдствїяхъ, которое меня не покидало, почиталась между Саксами за дѣйствїе моея преданности къ ихъ Идолу и побудило ихъ здѣлать меня своимъ верховнымъ жрецомъ по смерти того, которой свободилъ меня изъ рукъ ихъ. Сїи слова возбудили въ Брихѣ любопытство узнать судьбину первосвященника, и думая, что откроется онъ ему совершенно, когда объявитъ ему, что онъ равно какъ и онъ Норвежецъ: мы оба единоземцы, сказалъ ему, и я будучи воспитанъ при дворѣ Аролда, короля норвежскаго, мало тамъ нахожу такихъ подданныхъ, коихъ имена мнѣ незнакомы. Важныя причины изринули меня навсегда оттолѣ; и естьли повѣствованїе твоихъ мученїй можетъ принести онымъ нѣкую отраду, или естьли почтешь ты меня за способнаго оказать тебѣ услугу, то молю тебя ввѣрить мнѣ оныя. Ты столь молодъ, государь, отвѣчалъ верховный жрецъ посмотрѣвъ на него пристально, что какое бы ни имѣлъ свѣденїе о вельможахъ

двора Аролдова, сомнѣваюсь однакожъ, чтобъ постарались извѣстить тебя о имени такого Принца, коего вся Норвегія чаяла видѣть умершаго по повелѣнію королевскому, и чтобъ приключеніи несчастнаго Клодомарка до тебя дошли. О Небо! вскричалъ сей Принцъ, бросясь въ его объятіи, возможно ли, чтобъ увидѣлъ я въ тебѣ брата той, которая произвела меня на свѣтъ, и о которомъ она толико проливала слезъ? Верховный жрецъ чудясь безмѣрно тому, что нашелъ сына своея сестры въ такомъ человѣкѣ котораго почиталъ со всѣмъ за незнаемаго, и возчувствуя въ сердцѣ своемъ движеніи свидѣтельствующія ему о истиннѣ, возвративъ ему ласки ево съ восторгомъ: Что, сказалъ ему, не ужѐ ли ты сей юный и прекрасный Ерихъ, коего назначилъ было я возлюбленной моей Илдегардѣ. Не знаю, отвѣчалъ Принцъ, къ какому счастію ты меня опредѣлялъ; такожде необстоятельно свѣдомы мнѣ и случаи твоея жизни; ибо Принцесса мать моя всегда убѣгала того, чтобъ мнѣ о томъ не говорить, опасаясь ввергнуть

 нуть

нуть въ сердце мое корень ненависти и мщенія противъ Аоолда, но то подлинно, что я Ерихъ, и что послѣ даровавшихъ мнѣ жизнь, нѣтъ по крови сильняе тѣхъ узъ, кои прилѣпляютъ меня къ тебѣ.

О сынъ мой! ибо на конецъ ты долженъ тѣмъ быть, отвѣтствовалъ Клодомаркъ, не можетъ со мною ужѐ случиться болѣе несчастія, потому что рокъ насъ соединяетъ. Но вижу изъ взоровъ твоихъ, продолжалъ онъ, вижу нетерпѣливость, съ коею желаешь узнать про мои злоключеніи; однако, любезный мой Ерихъ, надлежитъ потерпѣть до завтрея; обряды храма не дозволяютъ мнѣ говорить съ тобою сего дня болѣе. Принцъ тронутъ былъ симъ отлагательствомъ; но не хотя принуждать Клодомарка, и вознамѣрясь болѣе прежняго вырвать его отъ олтарей сихъ ложныхъ божествъ, поступая по благоразумію и по обстоятельству времени, условился съ нимъ, чтобъ притти во храмъ на другой день по восхожденіи солнца, и чтобъ заперщись обое въ ономъ жрецъ не скрылъ отъ него ничего о своихъ

приклю-

приключенїяхъ , и разставшись Ерихъ вышелъ въ томъ намѣренїи, чтобъ итти по дорогѣ ведущей ко дворцу королевскому; но будучи преисполненъ имъ услышаннымъ, и чудясь тому, что нашелъ въ живыхъ такого Принца, коего уже болѣе пятнатцати лѣтъ почитали умершимъ на амвонѣ, задумчивость такъ имъ овладѣла, что не зная что дѣлалъ, направилъ онъ стопы свои къ лѣсу, зашелъ въ самый густый, и не пришелъ прежде въ себя, какъ обозрѣвъ такой предмѣтъ, коего рѣдкая кросота ввергнула его въ новое удивленїе.

Молодая особа отъ осмнатцати до девятнатцати лѣтъ отъ роду съ лукомъ въ рукѣ и съ калчаномъ за плечами, одѣтая почти такъ, какъ изображаютъ Дїанну, представилась его взорамъ. Она стояла опершись оплошно на дерево, и казалась слушать со вниманїемъ то, что говорила ей другая охотница, бывшая одна съ нею, и сїе воспрепятствовало ей усмотрѣть Принца, и дало ему время разсмотрѣть ее, и потерять такое сердце, кое никогда еще любви не было подвластно. Но

стрѣла, коею она его поразила, довольно отмстила ему за то, что толь поздно покорила его своему могуществу. Естьли бы храбрый Ерихъ не былъ увѣренъ о ослѣпленіяхъ язычничества, то бы почелъ сію удивительную особу за божество; но признавалъ ее единственно за наипрекраснѣйшее твореніе, коимъ Небо одарило человѣческое естество. Суевѣрное богопочитаніе, которое бы имѣлъ къ ней прежде, превратилось тогда въ то, что любовь можетъ внушить нѣжнѣйшаго и страстнѣйшаго.

Будучи неподвиженъ, изумленъ, исполненъ удивленія, позабылъ, что то было преступленіе смерти достойное, чтобъ обращать взоръ на красотъ посвященныхъ идолу Ирминзулю, и какъ внушаемое имъ тогда удовольствіе закрывало ему глаза отъ предстоящей опасности, то предался такъ оному, что прекрасная Вестала усмотрѣла его прежде нежели онъ почелъ за надобность бѣжать отъ взора днямъ его толь бедственнаго. Удивленіе Весталино было не менѣе, увидя толь близко отъ себя юнаго мущину

щину; но чудясь еще болѣе сїяющимъ во особѣ его прелестямъ, почувствовала гораздо болѣе страха о его жизни, нежели гнѣва за его дерзновенїе нѣжное соболѣзнованїе овладѣло ея душею, и не могши преодолѣть движенїй онаго: бѣги, несчастный, сказала ему, развѣ не знаешь ты нашихъ законовъ, и развѣ не свѣдомо тебѣ, какой бѣдственный рокъ тебѣ прїуготовленъ, естьли захватятъ тебя въ сихъ мѣстахъ.

Я чужестранецъ, сударыня, отвѣчалъ ей Принцъ, положивъ одно колѣно на землю, и могъ не знать толь строгихъ обычаевъ; но не хочу принимать прибѣжища къ моему невѣденїю, дабы оправдаться, глубокая задумчивость привела меня сюда, удивленїе здѣсь меня остановило, и нѣчто еще сильнѣйшее побуждаетъ меня желать лучше здѣсь умереть, нежели отсюда вырваться. Ерихъ говорилъ съ толикою прїятностїю, поступка его покорная и почтительная провождаема была толь благороднымъ и толь нѣжнымъ видомъ, что Вестала начавшая воспринимать въ немъ

болѣе

болѣе участія, посмотрѣвъ на него съ цѣломудренным величествомъ: Поди, сказала ему, удались отсюда, пользуйся тою минутою, вькоторую подруги мои оставляютъ меня на свободѣ, и не хвались никогда тѣмъ, что видѣлъ ты жрицу Ирминсулеву.

При сихъ словахъ достигши храма легкимъ бѣгомъ, скрылась отъ глазъ его съ другою Весталою такъ скоро, какъ молнія, и оставила его влюбленнѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Невозможность ее видѣть, принудила его оставить лѣсъ; и пошедши въ чертоги посольскіе, заперся въ своей комнатѣ, терзаясь наисильнѣйшею печалію, что не имѣлъ подъ предводительствомъ своимъ страшной арміи, дабы освободить изъ рукъ варваровъ дядю своего, и чудесный предмѣтъ его воспалившій. Онъ не могъ затворить глазъ во время ночи. Прекрасная жрица предстоя всегда его воображенію, не дозволяла ему имѣть покоя, и не могши себя увѣрить, чтобъ толико совершенствъ назначено было Провидѣніемъ пребыть погруженными въ языческомъ храмѣ,

мѣ, воспріялъ намѣреніе, вырвать ее оттуда, чего бы то ему ни стоило. Онъ думалъ, что оказанной ею страхъ, дабы ево съ нею не увидѣли, не столько произходилъ отъ усердія ея къ законамъ тоя земли, сколько отъ великодушія, и ласкалъ себя, что когда могла она предать его всѣмъ ихъ строгостямъ, и не здѣлала того, то не будетъ онъ имѣть труда, побудить ее къ нарушенію ихъ, хотя бы Каpоломанъ побѣдилъ Саксовъ ласкою или силою своего оружія.

Но между тѣмъ, какъ предавался онъ такимъ образомъ предпріемлемымъ имъ намѣреніямъ, кои любовь въ него внушила, Жрица также съ своей стороны безпокоилась. Взоръ Ериховъ восторжествовалъ надъ такимъ сердцемъ, кое Витикиндъ преодолѣть былъ не въ силахъ. Сильныя гоненіи сего монарха принудили ее искать убѣжища противъ своея воли во храмѣ Весталей Ирминзулевыхъ; и думая быть тамъ въ безопасности, нетолько онъ страстей, кои могла внушить въ другихъ, но и отъ тѣхъ, кои могли возстать въ душѣ ея, жила тамъ

съ

съ тѣмъ спокойствїемъ, кое доставляетъ непорочность, какъ нарушила оное симъ незапнымъ свиданїемъ. Особа бывшая съ нею въ лѣсу, была также одна извѣстна о семъ произшествїи и о дѣйствїи, кое произвело оно надъ ея сердцемъ. Что видѣла я. дражайшая моя Тиринда, сказала она ей тогда, когда могли онѣ свободно разговаривать, какой прелестной образъ предсталъ моему взору? Чтобы здѣлала я, увы! естьли бы кто другая, а не ты, была свидѣтелемъ дерзновенїя сего незнакомца, и той жалости, которую я къ нему возъимѣла?

Признаюсь, сударыня, отвѣчала она ей, я трепетала о его жизни, и благодарила боговъ, что смягчили они тебя въ его пользу. Я бы могла призвать стоящей около храма караулъ, подхватила жрица, и предать его оному въ руки, но движенїе, коимъ обладать была не сильна, удержало мой голосъ, онъ избѣжалъ отъ опасности: но между тѣмъ какъ мое благоразумїе соблюло его отъ смерти несомнѣнной, нескромное его любопытство будетъ мнѣ стоить всего покоя моея жизни. Великїе

ликіе боги! продолжала она, не должны ли вы были удовлетвориться тѣмъ, что потеряла я даровавшихъ мнѣ бытіе, и одного по нихъ такого, которой могъ меня возвратить моему отечеству, не присоединяя еще къ тому потерянія моего сердца. Сія мысль извлекла изъ глазъ ея слезъ толикое множество, что услужливая Тиринда стояла долгое время не будучи въ силахъ ее утѣшать. Однакожъ употребивъ все свое велерѣчіе представляла ей, что такая страсть, коей предмѣтъ не представится болѣе ея взору, не преминетъ погаснуть столь же скоро, сколь скоро оная возпалилась, и что разумъ гораздо свободнѣе ее преодолѣетъ, нежели какъ бы была она принуждена видѣть его безпрестанно; она довела ее до того, что прекрасная Жрица начала надѣяться, что время изтребитъ его изъ ея памяти.

Но какое ни прилагала стараніе, дабы изторгнуть его изъ своихъ мыслей, однако препроводила ночь, воспоминая о пріятностяхъ его особы съ такою привязанностію, что познала силу учиненныхъ надъ нею заразъ,

коихъ

коихъ ничто изтребить было не сильно. Между тѣмъ влюбленный Ерихъ, помышляя непрестанно о своей страсти, ожидалъ съ нетерпѣливостїю часа своего свиданїя, уповая, что Клодомаркъ подастъ ему способъ, увидѣть паки Жрицу, и что возмутъ они прямыя мѣры, дабы похитить ее изъ храма. Лишь только увидѣлъ перьвые лучи солнца, какъ пошелъ къ верьховному Жрецу. Сей перьвосвященникъ Ирминзулевъ принялъ его съ написанною на лицѣ радостїю. Дражайшїй Принцъ, сказалъ обнявъ его, предчувствованїи мои меня не обманули, когда думалъ, что присутствїе твое скончаетъ мои злополучїи: Небо возвращаетъ мнѣ часть того, что оно уменя отняло, и надежду обрѣсть другое. Тогда видя, что онъ прїуготовляется его слушать, провелъ онъ его въ кабинетъ, куда никто не имѣлъ права входить не будучи позванъ, и когда Принцъ попросилъ его, чтобъ удовольствовать его любопытство, тогда началъ онъ говорить слѣдующимъ образомъ:

XVIII.

XVIII. НОВОСТЬ.

ПОВѢСТЬ О КЛОДОМАРКѢ.

Дабы увѣдомить тебя подробно, государь, о моихъ злоключеніяхъ и о настоящемъ состояніи моея души, надлежитъ начать повѣсть мою съ того времени, когда не было тебя еще на свѣтѣ, и учинить тебѣ точное изображеніе двора Норвежскаго. Нынѣ владѣющій король Аролдъ, принцъ Ерихъ твой родитель, и я, будучи всѣ трое отъ крови королевской, сопряжены были тѣсною между собою дружбою во время жизни покойнаго короля; и какъ Аролдъ былъ между нами старшій, и мы не сомнѣвались, что будетъ онъ со временемъ нашъ государь; ибо Король не имѣлъ ближайшаго наслѣдника, то прилагали мы все наше стараніе, дабы быть отъ него любимыми. Онъ былъ веселаго нрава, любилъ пиршества, и мы выдумывали ежедневно новыя забавы, кои дѣлали дворъ Дромтена, столицы нашей, однимъ изъ знаменитѣйшихъ въ сѣверѣ.

Принцесса Урисберта, сестра Ерихова, и принцесса Ильдегарда, сестра моя, а твоя мать, составляли главнѣйшее украшенїе онаго чудесною своею красотою. Прелести ихъ свойства, и благородство склонностей, дружба насъ соединявшая, Ериха и меня, здѣлала ихъ неразлучными, и подавала намъ толь частые случаи и ихъ видѣть и съ ними дружески разговаривать, что любовь вмѣшалась скоро во внушенное ими въ насъ удивленїе. Мы не скрывали другъ отъ друга смущенїя нашихъ сердецъ; и радуясь, что могли здѣлать свое счастїе симъ сугубымъ сопряженїемъ, обѣщали другъ другу взаимныя старанїи у предмѣтовъ нашего пламени, и служили одинъ другому переводчиками. Ерихъ былъ болѣе любви достоинъ, нежели чтобъ не быть любимымъ. Ильдегарда подъ видомъ повиновенїя, кое сказывала имѣть къ моему соизволенїю, подала мнѣ легко знать, что сердце ея предварило мои намѣренїи, а я имѣлъ порадованїе узнать чрезъ Ериха, что принцесса Урисберта не менѣе ко мнѣ была благопрїятна. Естьли бы зналъ ты силу любви

любви, дражайшій мой Принцъ, то бы понялъ безъ труда безмѣрное удовольствіе въ сію минуту нами почувствованное. Урисберта и Ильдегарда извѣстившіяся о нашей любви, и вѣрявшія взаимную свою горячность, обнадежили насъ одна чрезъ другую о общемъ нашемъ благополучіи, и нѣсколько времени спустя осмѣлились удостовѣрить насъ въ томъ изустно. Между тѣмъ какъ Ародъ имѣлъ только общія волокиты безъ особливой привязанности, и часто намъ говаривалъ, что боится видѣть насъ подъ игомъ законовъ брака, будучи увѣренъ, что таковые узы прохлаждаютъ дружество, то вознамѣрились мы не открывать нашихъ желаній, пока онъ не женится, зная довольно, что польза государства и его собственная требовала того, чтобъ учинилъ онъ выборъ прежде смерти королевской, коего древность и сопряженныя со оною припадки предвѣщали скорую кончину.

Хотя усердіе наше побуждало взирать на сіе мѣдленіе съ прискорбностію, однако страхъ, потерять благосклонность такого,

коего надѣялись мы имѣть всю повѣренность, когда будетъ имѣть высочайшую власть въ рукахъ, одержалъ верхъ надъ нашею нетерпѣливостїю, и принудилъ насъ хранить глубокое безмолвїе о прїятномъ согласїи господствовавшемъ между нами четырмя. Не прошло еще мѣсяца послѣ того, какъ мы начали жить такимъ образомъ, какъ Фредевига принцесса Острафордская прибыла въ Дромтенъ. Какъ была она ближняя родственница королевская, и онъ желалъ, что бы Аролдъ на ней женился, то просилъ онъ Принца острафордскаго ея родителя, чтобъ отпустилъ ее къ ево двору, и мы получили приказъ принять ее съ великолѣпїемъ. Надежда, которую мы съ Ерихомъ имѣли, что сїя юная красавица плѣнитъ Принца, и принудитъ его подать намъ примѣръ основательнаго обязательства, побуждала насъ изобрѣтать различныя празднества, дабы торжествовать день ея прибытїя. Принцессы Урисберта и Ильдегарда употребили такожде все свое искуство, дабы возобновить сїянїе своея красоты, и никогда дворъ не

бывалъ

бывалъ толь великолѣпенъ. Но по случаю почти неудобопонятному, Аролдъ, который до сего времени изъявлялъ только простое почтенiе къ Принцессамъ, нашимъ сестрамъ, нашелъ ихъ толь прекрасными, разсматривая ихъ убранство, что думалъ, что глаза его только лишь въ сiю минуту отверзлися; и по несчастiю моему Урисберта имѣла славу восторжествовать надъ его свободою. Я былъ болѣе влюбленъ, нежели чтобъ не быть ревниву; безмѣрныя похвалы, кои истощалъ на нее безпрестанно во весь сей день, тронули меня, и я возъимѣлъ тогда предчувствiе тѣхъ злоключенiй, кои въ послѣдствiи со мною случилися.

Однако я скрывалъ мои страхи, и подозрѣнiи, сколько мнѣ возможно было. Принцессы въ провожанiи всѣхъ придворныхъ дамъ сѣли въ колесницы, дабы ѣхать на встрѣтенiе Фредевигѣ. Аролдъ, Ерихъ и я, послѣдуемые знатнѣйшими вельможами, ѣхали верьхами. Принцъ не покидалъ колесницы Урисбертиной, говорилъ ей множество ласковостей, и лишилъ меня

свободы съ нею разговаривать, такЪ что не могши обладать моею ревнивостїю, направилЪ я лошадь мою по сторону его, и приближась кЪ нему сказалЪ ему съ шутливымЪ видомЪ: ты не помышляешь, государь, что Принцесса острафордская должна одна влїять вЪ тебя все то, что говоришь ты прекрасной УрисбертѢ.

Не знаю, не позналЪ ли онЪ, невзирая на принужденїе мною чинимое, на лицѢ моемЪ части того, что происходило вЪ моемЪ сердцѢ, только устремивЪ глаза свои на мои: КлодомаркЪ, отвѢчалЪ онЪ мнѢ горделиво, я не буду тебѢ препятствовать утѢшать Фредевигу вЪ той холодности, которую всегда имѢть кЪ ней буду, и запрещаю тебѢ ожуждать любовь, коею пылать буду до гроба кЪ обожаемой УрисбертѢ. Сїи слова̀ были для меня громовымЪ ударомЪ, и отчаянїе мое было толь сильно, что я бы всеконечно открылся безЪ Принца Ериха, которой настигши меня при самомЪ объявленїи АролдовомЪ, и услыша оное, погналЪ лошадь свою толь сильно между Принцевою и моею

сю притворяясь, будто не могъ ее удержать, что принудилъ насъ раздаться одинъ отъ другаго, дабы дать ему проѣздъ, и симъ способомъ принудилъ меня заключить досаду мою въ сердцѣ; и удаливъ меня отъ колесницы своея сестры, признался, что примѣтилъ онъ старанiи Арольдовы у сей Принцессы. Но любезный мой Клодомаркъ, примолвилъ онъ, сiя любовь толь поспѣшна, что не можетъ быть продолжительна; Фредевига появится и истребитъ скорбь твою; но что бы ни приключилось, только я увѣренъ о моей сестрѣ, и прошу тебя вѣрить данному отъ меня тебѣ слову, что она ни чья, кромѣ тебя, не будетъ. Сiи слова меня успокоили, и дабы свободиться со всѣмъ отъ печали, и возстановить благоразумiе въ готовности меня покинуть бывшее, разсказалъ онъ мнѣ про свойство Принцево, которой во всѣхъ своихъ забавахъ и веселостяхъ тѣмъ болѣе находилъ вкусу, чемъ больше видѣлъ себѣ сопротивленiя; что довольно было того, естьли полагаемы ему были препоны, дабы принудить его въ томъ упорствовать; что естьли

ему возмнится, что люблю я Урисберту, то почтетъ то себѣ за пунктъ чести, дабы стараться похитить у меня ея сердце; но что напротивъ того казавшись обое равнодушными, въ разсужденіи его поступокъ, и стараясь дѣлать угодность Фредевигѣ, побудимъ мы его перемѣнить скоро свое мнѣніе въ тѣхъ мысляхъ, чтобъ противиться успѣхамъ, кои бы могли мы учинить оба надъ ея сердцемъ. Хотя не довольно былъ я силенъ отдать справедливость симъ увѣщаніямъ, однако не преминулъ имъ повиноваться, и обѣщать ему, чтобъ быть благоразумну. Лишь только окончали мы сей разговоръ, какъ усмотрѣли колесницу Принцессы Острафордской. Мы отдѣлились отъ нашей свиты, дабы первымъ ее поздравить. Аролдъ увидѣвшій наше тщаніе, и бывшій въ прочемъ недоволенъ тѣмъ видомъ, съ коимъ Урисберта его приняла, послѣдовалъ за нами немѣдленно съ прочими своими вельможами. Колесница Фредевигина остановилась, какъ скоро увидѣли насъ приближающихся; мы подошли къ ней вмѣстѣ, Аролдъ, Ерихъ и я. Она не знала никово изъ насъ, и я не вѣдаю, по какому ложному

ному мнѣнїю думала, что я Принцъ; но какъ почла меня за него, то былъ я одинъ, на коего глаза ея устремились, и первый получившїй тѣ учтивости, кои она для него прїуготовила.

Нѣтъ судьбины счастливѣе моей, государь, сказала она мнѣ; должность и послушанїе однѣ направляли въ сїи мѣста стопы мои; но вижу съ радостїю и удивленїемъ, что склонность моя не умѣдлитъ ко онымъ присоединиться. Какъ сїи слова извѣстили меня о ея заблужденїи, то хотѣлъ я ее не посрамивъ изъ онаго вывесть. Для сей причины поклонясь ей съ глубокимъ почтенїемъ: Принцъ Аролдъ, государыня, отвѣчалъ я, найдетъ жребїй свой еще гораздо счастливѣйщимъ твоего, потому что ничто не уподобляется счастїю, дабы быть сильну возложить корону на главу прекраснѣйшїя въ свѣтѣ Принцессы. Потомъ указавъ ей сего Принца подходящаго, подалъ я руку Урисбертѣ, которая выходила изъ своей колесницы съ Ильдегардою, коей Принцъ Ерихъ оказалъ равнуюжъ услугу; но я не преминулъ усмотрѣть, что Фредевига крайне

покраснѣла, и глубокая печаль написана была въ глазахъ ея. Я не сомнѣвался, чтобъ стыдъ, обмануться, не былъ тому причиною, и примѣчалъ только, какимъ образомъ Аролдъ съ нею поступитъ. Урисберта, которую проводилъ я до колесницы принцессиной, не менѣе то высматривала, хотя по причинѣ совсемъ отличной. Ерихъ бывъ свидѣтелемъ учиненнаго мнѣ отъ Фредевиги прiема, и сошедшись прежде меня съ принцессами, радовался тому съ ними, почитая оное весьма забавнымъ: но прелестная его сестра отъ того скорбѣла, и посмотрѣвъ съ прискорбностiю на Принца, своего брата: все сiе не доброе предзнаменуетъ, государь, сказала ему, и я боюсь, чтобъ между тѣмъ, какъ Арольдъ старается побудить меня играть роль Принцессы острафордской, не восхотѣла и она играть моего у Клодомарка. Я пришелъ, какъ перестала она говорить, и увидя Ериха улыбающагося, хотѣлъ просить его сказать мнѣ тому причину, какъ подошли мы толь близко къ Фредевигѣ, вышедшей изъ колесницы, дабы предупредить Принцессъ, что не

возможно

возможно мнѣ было о томъ навѣдаться. Арольдъ подалъ ей руку не посмотрѣвъ на нее; она же съ своей стороны не болѣе имѣя къ нему вниманія, какъ къ простому конюшему, разсматривала только меня и Урисберту. Онѣ сошлися съ холодностію побудившею многихъ думать, что досадовали, нашедъ другъ друга толь прекрасными: ибо въ самомъ дѣлѣ, государь, не думаю, чтобъ была тогда такая женщина, которая бы могла имъ уподобиться; и хотя Фредевига имѣла въ видѣ своемъ нѣчто горделивое, однако то подлинно, что надлежало имѣть сердце ужé предваренное, дабы соблюсти себя отъ ея прелестей.

Между тѣмъ Принцессы обнялися. Ильдегарда имѣла великое участіе въ похвалахъ приписуемыхъ толикимъ прелестямъ собравшимся межъ тремя особами, кои казались завладѣвшими всѣми пріятностьми, похитивъ оныя у всѣхъ другихъ. Фредевига оказала гораздо болѣе дружества моей сестрѣ, нежель Урисбертѣ: онѣ обѣ сѣли въ ея колесницу, а Принцъ Арольдъ принужденный разговаривать съ Принцессою острофордскою, оставилъ намъ

намъ свободу, побесѣдовать нѣсколько съ предмѣтами нашихъ желаній; но Фредевига такъ пристально слушала наши разговоры, что не можно намъ было изъясняться въ томъ, въ чемъ наиболѣе восприимали мы участія. Сказуемое ею Принцу не было великой важности, и никогда разговоръ не бывалъ толь холоденъ и маловаженъ, какъ тотъ, которой имѣли мы до дворца, гдѣ Король ожидалъ насъ съ прочими дамами и вельможами придворными.

Остатокъ дня препровожденъ былъ въ учтивостяхъ и церемоніяхъ; и какъ скоро могли мы оттуда выти, Ерихъ и я, то воспользовались симъ случаемъ, дабы итти въ покои Урисбертины, которая заперлась во оныхъ съ Ильдегардою. Мы нашли ихъ весьма прискорбныхъ, и я чаялъ видѣть нѣсколько слезъ во очахъ моея возлюбленныя Принцессы.

Я спросилъ немѣдленно о причинѣ того, и изъявилъ ей мои безпокойства о любви Принцевой. Тебѣ нѣчего бояться, отвѣчала она посмотрѣвъ на меня съ горячностію, всѣ короны свѣта несильны побудить меня позабыть то, что назначена я

Клодо-

Клодомарку; но Принцъ, одинъ взоръ Фредевигинъ можетъ принудить тебя истребить изъ памяти то, чемъ долженствуешь ты вѣрной Урисбертѣ.

Сей опытъ ревности показывалъ мнѣ такъ ея горячность, что не могъ я почесть себя тѣмъ обиженнымъ; но не хотя, чтобъ восприяла она корень въ ея сердцѣ, старался я доказать ей, что не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія овладѣть сердцемъ Принцессы Острафорлской, и что нѣтъ способовъ, кои бы я не употребилъ, дабы поспѣшить ея бракомъ съ Арольдомъ, тѣмъ наипаче, что сказанное мнѣ Фредевигою, доказывало довольно любовь ея къ сему Принцу. Сіе ничего не доказываетъ, пресѣкла она съ жаромъ, развѣ только, чтобъ желала она, дабы ты былъ Арольдъ, и она въ отчаяніи, что ты не онъ. Любезный мой Клодомаркъ, сказалъ тогда Ерихъ, увидя меня въ задумчивости, примѣчаніе Урисбертино правильно, сердце Фредевигино обратилося къ тебѣ; и самымъ страннымъ и нечаяннымъ случаемъ, между тѣмъ какъ Арольдъ возбуждалъ въ

тебѣ

тебѣ ревнивость противъ моей сестры, Принцесса острафордская вперяла въ сердце ея равныя сему подозрѣнія. Однакожъ, продолжалъ онъ, прекратите обоюдныя ваши скорби, вы другъ друга любите, и должны только мыслить о томъ, чтобъ подавать взаимные тому опыты, стараясь по согласію о совершеніи вашего благополучія, а чтобъ въ томъ предспѣть, какъ бы Урисберта того ни боялася, надлежитъ тебѣ принуждать себя, дабы приласкаться къ Фредевигѣ со тщаніемъ довольно сильнымъ къ возбужденію безпокойства въ Арольдѣ. Я знаю нравъ его, онъ лишь только увидитъ тебя, обратившагo къ тому, какъ къ ней прилѣпится; онъ имѣетъ разумъ тонкой и проницательной, и безъ сомнѣнія примѣтивъ твое безпокойство о волокитахъ, чинимыхъ имъ моей сестрѣ, здѣлалъ изъ того потаенное удовольствіе, чтобъ умножать оное. И такъ послѣдуй данному мною тебѣ совѣту; и вѣрь, что будучи отринутъ Урисбертою, и увидя тебя въ согласіи съ Фредевигою, не умѣдлитъ къ ней прилѣпляться.

Урисбер-

Урисберта не похвалила сего совѣта, да и я не былъ имъ доволенъ. Усмотрѣнное ими въ поступкѣ Принцессы Острафордскія, умножало еще то отвращенiе, которое чувствовалъ, чтобъ къ ней прилѣпиться: и какъ честь присоединилась къ любви, которою пылалъ я къ сестрѣ Ериховой, то почиталъ я дѣйствующее лице, которое принуждали меня представлять, за недостойное честнаго человѣка; и что Ильдегарда и онъ, мнѣ ни говорили, однако былъ я одного мнѣнiя съ Урисбертою, и клялся имъ, что не отважу никогда толь опаснаго способа къ достиженiю своего благополучiя. Ерихъ сказалъ мнѣ, что промыслитъ мнѣ оной, и мы разстались, не принявъ иныхъ мѣръ. Я проводилъ ночь безпокойно, а на другой день не болѣе имѣлъ удовольствiя. Я не могъ видѣть индѣ Урисберту какъ у Принцессы Острафордской, куда пошелъ я такъже какъ и другiе. Дворъ былъ тамъ многочисленъ; ибо всякой почиталъ ужѐ ее какъ Королеву. Король лишь только туда вошелъ, онъ разговаривалъ особо съ Фредевигою; а Принцъ

Арольдъ воспользуясь сею минутою, непрестанно говорилъ съ сестрою Ериховою. Я не могу тебѣ изъяснить претерпѣваемаго мною во время ихъ разговора. Король вышелъ, а принцесса острафордская вступивъ въ кругъ призвала Ильдегарду, и приказала ей стать подлѣ себя. Ерихъ стоялъ позади ихъ, онѣ говорили другъ другу нѣсколько времени тихо; послѣ чего Фредевига здѣлала мнѣ знакъ приближиться; я повиновался, а она посмотрѣвъ на меня пристально: Клодомаркъ, сказала мнѣ улыбнувшись, я имѣла причину вчера, чтобъ былъ ты Арольдъ, ты кажешься мнѣ одинъ изъ всего собранія, коего сердце еще свободно: Принцъ имѣетъ глаза только для Урисберты, Ерихъ взираетъ токмо на Ильдегарду, а мы съ тобою подвергаемся опасности быть въ великой скукѣ, естьли пребудемъ простыми свидѣтелями толикихъ волокитъ.

Это правда, государыня, отвѣтствовалъ я ей, что Принцессѣ Фредевигѣ довлѣетъ одной оказывать всѣ сердца; однако не должна она останавливаться натомъ, что можетъ уязвить нѣжность ея склонностей

стей, и надежнѣйшій способъ къ воспрепятствованію вашей скуки, состоитъ въ томъ, чтобъ стараться только о возложеніи на главу вашу короны; сія честь принадлежитъ единственно Принцу Аролду, а Кломаркъ къ тому только назначенъ, чтобъ носить на себѣ во всю жизнь свою имя вѣрнѣйшаго изъ его подданныхъ.

Я послѣдуя твоимъ совѣтамъ, подхватила она съ горделивостію, стану владѣть. Я былъ въ довольномъ замѣшательствѣ, что на то отвѣтствовать, какъ Аролдъ къ намъ подошелъ. Не знаю, отриновенъ ли будучи презрѣніемъ Урисберты, или ревнуя дружеству оказуемому мнѣ Принцессою Острафордскою, имѣлъ онъ истинное желаніе остановить теченіе оной, и не покидалъ ее болѣе во весь день. Я не былъ однакожъ тѣмъ счастливѣе: Урисберта въ тужъ минуту окружена была толикимъ множествомъ людей, что не возможно мнѣ было говорить съ нею. На конецъ не описывая тебѣ подробно тѣхъ мученій, кои любовь моя и ревнивость мнѣ причиняли, скажу тебѣ только, что я препроводилъ

четыре дни не могши успѣть въ томъ, чтобъ найти сїю Принцессу, ниже сестру мою безъ свидѣтелей, а чтобъ ихъ видѣть, надлежало ходить къ Фредевигѣ, съ коею были онѣ неразлучны: притомъ же примѣтилъ я, что Ароldъ поступалъ со мною съ крайнею холодностїю, а Ерихъ убѣгалъ моего присутствїя.

Отчаянїе овладѣло моею душею, и я бы довелъ себя до какого нибудь явнаго дѣла, естьли бы Принцъ Ерихъ въ пятый день не вошелъ въ мой покой съ видомъ прогоняющимъ всю мою прискорбность. Дражайшїй мой Клодомаркъ, сказалъ онъ меня обнимая, упусти мнѣ употребленный противъ тебя поступокъ, онъ потребенъ былъ для общаго нашего благоденствїя. Урисберта, Ильдегарда и я, поступали по согласїю, дабы увѣрить Принца, что ты любишь Фредевигу, и что сїя Принцесса огорченная его холодностїю, имѣетъ нѣкоторую склонность тебя слушать. Хитрость наша произвела свое дѣйствїе: ревнуя правамъ своимъ надъ сердцемъ Фредевигинымъ, престалъ онъ любить мою сестру, и здѣлавъ болѣе внимания

манія на прелести Принцессины, ревностно вЪ нее влюбился, и пошелЪ просить Короля, дабы поспѢшить его бракомЪ. Пріуготовленіи кЪ тому назначены, и я прошу тебя сЪ стороны Урисберты, чтобЪ принуждать себя еще кЪ безмолвію по самую минуту сего торжества. Надобно быть столь страстну, сколь я былЪ, дабы уразумѢть причиненную мнѢ сею вѢстію радость, я принесЪ тьму благодареній Ериху, и обѢщалЪ ему все то, чего отЪ меня требовалЪ. Мы были вмѢстѢ у Короля, гдѢ получилЪ я подтвержденіе того, о чемЪ онЪ меня увѢдомилЪ; оттуда прошелЪ я вЪ покои Фредевигины. АролдЪ былЪ сЪ нею, и я принялЪ на себя весьма холодной видЪ, принося имЪ поздравленіе. ПринцЪ почелЪ то за печаль, и радовался тайно, что онЪ былЪ тому причиною; а Фредевига показалась мнѢ тѢмЪ тронутою. На конецЪ сей толь вожделѢнной бракЪ воспослѢдовалЪ нѢсколько дней спустя сЪ удивительнымЪ великолѢпіемЪ. Мы были приономЪ вЪ богатомЪ убранствѢ, и хотя радость народа была безмѢрна, однако моя

предЪ оною первенствовала. Но я не изъявилЪ оной, и хранилЪ притворную задумчивость до самой той минуты, какЪ дворЪ вышелЪ изЪ храма для вступленія вЪ Королевскіе чертоги, гдѣ ПринцЪ АролдЪ призвавЪ меня кЪ себѣ: КлодомаркЪ, сказалЪ пожавЪ мнѣ руку, здѣлаемся паки друзьями, я прощаю тебѣ, что любилЪ ты Фредевигу, прости и ты мнѣ, что хотѣлЪ я отнять у тебя Урисберту, наложи на себя прежніе оковы, и дабы не имѣли мы болѣе, чемЪ себя укорять, послѣдуй моему совѣту, женись на сестрѣ Ериховой, а за него выдай свою.

Чистосердечіе сего Принца тронуло меня, все мое дружество кЪ нему возобновилось; я бросился кЪ его ногамЪ, и клялся ему, что я никогда не простиралЪ желаній моихЪ до Принцессы Острафордской, изЪявивЪ наиусерднѣйшую благодарность за то, что уступилЪ онЪ мнѣ Урисберту. ОнЪ не много вѣрилЪ моимЪ клятвамЪ, однако не лишилЪ меня своея милости. Ты разсудишь, дражайшій мой ПринцЪ, что мы не умѣдлили оною воспользоваться; узы, коимЪ надлежало усовершенить мое благо-

благополучіе и Ерихово, сопрягли насъ навсегда съ нашими Принцессами мало дней спустя послѣ брака Аролдова, съ которымъ началъ я паки обходиться съ прежнею откровенностію; но какъ былъ онъ дѣйствительно влюбленъ въ Принцессу свою жену, и съ природы ревнивъ, то примѣтилъ я, что онъ всегда безпокоился, когда готовился я ей говорить будучи отъ него неслышимъ, я вознамѣрился удалиться на нѣсколько времени отъ двора съ Урисбертою; и какъ надлежало мнѣ привесть въ порядокъ нѣкоторыя дѣла въ бергенѣ, гдѣ имѣлъ я великія вотчины, то просилъ подъ тѣмъ видомъ позволенія у Принца, дабы препроводить тамъ нѣсколько мѣсяцовъ. Онъ мнѣ то дозволилъ, и сколько я примѣтилъ, съ крайнимъ удовольствіемъ. Ильдегарда и ея супругъ почувствовали отъ того печаль; но видя равно, какъ и я, слѣдствіе, бывшее для истребленія Принцева мнѣнія, не охуждали моего поступка. разлука наша была весьма чувствительна; ибо Урисберта и сестра моя любили другъ друга стольже горячо, сколько я и Ерихъ одинъ

другому были милы. Мы поѣхали и прибыли въ Бергенъ, коего пребываніе показалось намъ толь прелестнымъ, что присовокупя къ тому спокойствіе, коимъ наслаждались, вмѣсто четырехъ или пяти мѣсяцовъ, кои намѣренъ былъ тамъ пробыть, препроводили мы тамъ цѣлые четыре года, отлагая отъѣздъ нашъ оттуда въ день отъ дня.

Въ сіе время Ильдегарда принесла тебя на свѣтъ, а любезная моя Урисберта была много разъ матерью не имѣя утѣшенія сохранить въ живыхъ рожденныхъ ею дѣтей. На конецъ на четвертый годъ нашего въ Бергенъ прибытія, она обеременѣла, и родила дочь, которая намъ тѣмъ драгоцѣннѣе, что была только единымъ плодомъ нашего брака по смерти другихъ. Урисберта воображая себѣ, что воздухъ Бергенской нездоровъ для ея дѣтей, просила меня возвратиться въ Дромтенъ. Ильдегарда и Принцъ Ерихъ просили насъ о томъ ужѐ давно, и самъ Аролдъ принуждалъ меня къ тому, подавая надежду думать, что четырелѣтней бракъ изцѣлилъ его совсѣмъ отъ его подозрѣній. Всѣ сіи обстоятель-

обстоятельства побудили меня оставить Бергенъ, что и учинилъ я, какъ скоро Урисберта была въ состоянiи пуститься въ путь безъ опасенiя. Мы дали Принцессѣ, нашей дочерѣ, имя Ильдегарды по горячности къ моей сестрѣ, которая уже почитала за великое удовольствiе воспитывать тебя съ нею; ибо намѣренiе у насъ положено было, чтобъ соединить васъ когда нибудь тѣми же узами, которыми мы сопряжены были, дабы предать потомству нашему имѣнiе и дружество наше. Но увы! по прибытiи въ Дромтенъ, нашли мы только печаль, слезы и воздыханiи. Принцъ Ерихъ, твой родитель, только лишь испустилъ послѣднiе вздохи по продолжавшейся пятнатцать дней болѣзни.

Ильдегарда была неутѣшна, Аролдъ приходилъ въ отчаянiе, и весь дворъ оплакивалъ его кончину. Урисберта не покидала болѣе моей сестры, и я употреблялъ все мое старанiе, дабы изъявить ей жестокую печаль мою. Сiе несчастiе было намъ худымъ предвозвѣстникомъ, страшныя предчувствованiи нарушали покой нашъ; и незная точно, что насъ толь силь-

но печалило, раскаивались мы неоднократно, Урисберта и я, что оставили бергенъ. Принцесса Фредевига изъявила намъ толь нѣжное соболѣзнованіе, а Принцъ толико почтенія, что мы упрекали себя малою благодарностію, которую чувствовали во внутренности нашего сердца. Мы были въ семъ состояніи, какъ король истощивъ свои силы, оставилъ корону съ жизнію. Хотя престолъ принадлежалъ законнымъ образомъ Принцу Аролду, однако не преминули возстать замѣшательства между вельможами, кои подали имъ причину опасаться, чтобъ не восхотѣли здѣлать сію монархію избирательною. Самъ сенатъ противился коронованію Аролдову, и приказалъ обнародовать запрещеніе, чтобъ не объявлять его королемъ, пока не соберутся государственные чины, для рѣшенія сего дѣла.

Раздраженный невѣрностію вельможъ и слабостію народа, взялъ я въ команду войска, кои принудилъ принять оружіе за Аролда. Я осадилъ дворецъ, куда собрались вельможи, и приказавъ рубить первыхъ, хотящихъ обороняться, грозилъ переколоть

всѣхъ

всѣхъ, естьли не признаютъ немѣдленно Принца Аролда законнымъ королемъ Норвежскимъ; и оставя часть войска для утвержденія мною начатаго, побѣжалъ съ достальными во дворецъ Принцевъ, которой не зная ничего о происходившемъ, ожидалъ рѣшимости отъ сената, дабы поступать по сему. Я велѣлъ ему сѣсть на лошадь, поставилъ его посреди малыя моея арміи, и проводилъ до храма, крича: да здравствуетъ Король Арольдъ. Народъ возбужденный нашимъ примѣромъ дѣлалъ тоже, ввели его въ тріумфальную колесницу, и повезли ко дворцу съ таковыми же восклицаніями. Потомъ возвратившись въ сенатъ, котораго только лишь извѣстили о сей храброй поступкѣ, увидѣлъ я его выходящаго всею толпою, дабы просить насъ провесть ихъ къ Королю въ безопасности, боясь чтобъ не быть подверженнымъ народному ругательству.

Мы здѣлали ими желаемое, и новый Король поступая щедро, притворно повѣрилъ, что хотѣли они здѣлать тѣмъ благоденствіе государства, и простивъ всѣхъ обще и особо,

увидѣлъ менѣе нежели въ сутки власть свою толь же возстановленною, какъ будто бы нѣсколько лѣтъ владычествовалъ. Никогда ничто не бывало подобно тѣмъ ласканіямъ, кои онъ мнѣ оказывалъ, и ничто не уподоблялось той чести, которую получилъ я отъ Королевы. Казалось, что супруга и сестра моя были первѣйшія любимицы, и что довольно было, чтобъ я на что нибудь согласился, дабы Король и сія государыня подали на то свой голосъ. Такимъ образомъ препроводилъ я семь или восемь мѣсяцовъ, и счастіе мое умножалось отъ дня въ день; какъ однимъ вечеромъ удаляясь въ мой дворецъ, одинъ караульной подалъ мнѣ письмо и скрылся. Я вошелъ въ мою комнату, дабы его прочесть; но что здѣлалось со мною узнавъ почеркъ Королевинъ, которая писала ко мнѣ все, что страсть нѣжнѣйшая можетъ внушить сильнаго и отважнаго. Я долгое время не доумѣвался, что съ онымъ дѣлать; на конецъ вознамѣрился его спрятать, и поступать такъ, какъ будто бы оно мнѣ не отдано, а особливо молчать предъ

Урис-

Урисбертою о позорномъ изступленіи Королевиномъ. Я исполнилъ сіе намѣреніе; но сія неразсудная Принцесса пересылала мнѣ множество оныхъ такимъ образомъ; и видя меня всегда съ собою въ почтеніи побуждающемъ ее думать, что я не подозрѣвалъ, отъ чьей руки онѣ происходили. Она нарушила всѣ границы чести и благопристойности, дабы меня о томъ увѣдомить. Въ одинъ день, какъ выходилъ я изъ покоевъ Королевскихъ, коего небольшой припадокъ принуждалъ не покидать постели, встрѣтился я съ нею на переходахъ, когда шла она въ свои покои: Клодомаркъ, сказала она мнѣ, взявъ меня подъ руку, я хочу съ тобою говорить, проводи меня въ мой кабинетъ. Признаюсь тебѣ, государь, что сіи слова привели меня въ трепетъ; я старался отъ того свободиться, предъявляя, что имѣю скорой приказъ отъ Короля которой надлежитъ немѣдленно исполнить; но она принудила меня слѣдовать за собою, обнадеживая, что не удержитъ меня болѣе какъ на минуту.

Всѣ ея женщины находились въ покояхъ, и мы вошли одни въ сей бѣдственный кабинетъ. Она приказала мнѣ затворить двери; и почти тотчасъ посмотрѣвъ на меня быстро, не получилъ ли ты, сказала мнѣ, за нѣсколько дней многихъ писемъ безъ подписанія? Я хотѣлъ притворяться, и казавшись приведеннымъ въ удивленіе отвѣчалъ, что нѣтъ. Ты меня обманываешь, подхватила она, я въ томъ увѣрена, и хочу знать, отъ ково онѣ; я имѣю подозрѣніи, кои важно мнѣ объяснить. Какъ сіи слова побудили меня думать, что я могъ обмануться, то отвѣчалъ я ей, что хотя и получилъ я тайнымъ образомъ нѣсколько писемъ; однако не знаю, кто такова изволитъ забавляться, говоря со мною такимъ языкомъ, о коемъ увѣрена она, что я его разумѣть не буду. Котораго ты разумѣть не будешь? пресѣкла она, неблагодарный! развѣ не памятуешь ты больше, что прибывъ въ сіе мѣсто почла я тебя за Арольда? и что я тысячу разъ потомъ желала, дабы ты здѣлался онымъ? Ибо на конецъ, жестокосердый, примолвила

вила она, нѣтъ больше времени притворствовать, я полюбила тебя съ первой минуты, какъ увидѣла, хотѣла владычествовать, и естьли бы судьба здѣлала тебя Королемъ въ другой какой части вселенныя, то бы никогда Фредевига не была Королевою Норвежскою. Отъ меня приходили къ тебѣ помянутыя письма, и отъ тебя одного ожидаю я благополучїя моея жизни.

Ахъ! Государыня, вскричалъ я, бросясь къ ея ногамъ, какому искушенїю хочешь ты подвергнуть вѣрность мою къ Королю; возможно ли, что бы почла ты меня удобнымъ къ таковому вѣроломству, и что бы до Арольда касался таковый умыселъ? Я тебя не искушаю, съ жаромъ она отвѣчала, не ищи сихъ тщетныхъ околичностей, дабы отказаться тебѣ отъ моея горячности: надобно меня любить или умереть. Опредѣляй смерть мою, сказалъ я ей съ твердостїю, наисвятѣйшїе узы должности и любви содержатъ сердце мое во окованїи, ты можешь разить оное, но никогда имъ обладать не будешь. Выди, сказала она мнѣ съ свирѣпствомъ, и не представляйся

ся болѣе моему взору. Я не принуждалъ ее повторять сихъ словъ, отворилъ немѣдленно кабинетъ; и закрывъ лице, дабы не изъявить перемѣны во ономъ, пошелъ домой пораженъ будучи жесточайшимъ отчаянїемъ. Урисберта была у моей сестры, и я не зная, къ чему вознамѣриться, размышлялъ болѣе часа о способахъ, какъ избѣжать отъ Принцессы толь мало оною быть достойной, какъ пришли меня арестовать именемъ Королевскимъ, и отвести въ крѣпость. Я не сомнѣвался, откуда происходилъ таковый ударъ; но вознамѣрился хранить безмолвїе, повиноваться и умереть лучше, нежели открыть такую тайну, которая покрывала равно стыдомъ Арольда и его супругу.

Офицеръ пришедшїй за мною, служилъ подъ моею командою, и изъявилъ мнѣ чувствительное сожалѣнїе, что принужденъ исполнить волю Королевскую, и дабы мнѣ то доказать, оставилъ мнѣ свободу взять съ собою все то, чего могъ опасаться, чтобъ не нашли въ моихъ покояхъ; но я не пользовался симъ мяхкосердїемъ, и послѣдовалъ за нимъ

нимъ въ крѣпость, коея правитель по имени Араспъ столькожъ удивился, сколько опечалился, будучи привязанъ ко мнѣ издавна, и долженствуя единственно мнѣ симъ знатнымъ чиномъ. Онъ не хотѣлъ, чтобъ я отъ него отлученъ былъ, и далъ мнѣ свой покой, гдѣ не взирая на все, что я ему ни говорилъ, велѣлъ онъ поставить для себя кровать, дабы быть всегда въ готовности утѣшать меня, и имѣть обо мнѣ старанїе. Онъ многократно спрашивалъ меня, что было причиною таковаго со мною поступка, и что здѣлалъ я, могущее принудить Арольда позабыть то, что долженствуетъ онъ мнѣ короною: но будучи твердъ въ принятомъ мною намѣренїи, сказалъ я ему, что не чувствую себя ни въ чемъ виновнымъ, не знаю преступленїя, коимъ меня обвиняютъ, и крайне бы имъ былъ обязанъ, естьлибъ могъ онъ узнать, и меня объ ономъ увѣдомить. Я просилъ его также сказать Принцессѣ Урисбертѣ, чтобъ не печалиться, и исходатайствовать позволенїе со мною видѣться. Араспъ обнадежилъ меня, что исправитъ

вѣрно сіи коммисіи, примолвя, что не пожалѣетъ ничего, дабы свободить меня изъ сего мѣста, и естьли Король позабудется даже до того, что похочетъ меня погубить, то отважится онъ на все, дабы меня спасти. Въ семъ намѣреніи поѣхалъ онъ во дворецъ, гдѣ весь дворъ былъ во удивленіи и смятеніи о моемъ происшествіи, коего причину явно оглашали, будто я покушался на честь Королевину; будучи влюбленъ въ нее еще прежде ея бракосочетанія, что я затворилъ двери ея кабинета, дабы быть съ нею одному, что я дошелъ до насилія, и видя ее въ готовности кричать о помощи, убѣжалъ съ крайнею скоростію, не говоря ни съ кѣмъ, въ толикомъ былъ я нестроеніи; въ самую ту минуту сія неутѣшная Принцесса, съ распущенными власами и вся въ слезахъ, пошла и бросилась къ ногамъ Королевскимъ, прося о отмщеніи за обиду, которую я ей хотѣлъ здѣлать. Арольдъ раздраженный моею дерзостію, и тронутый печалію Королевы, приказалъ меня арестовать, увѣря ее, что смерть моя послѣдуетъ скоро по моемъ заточеніи.

Араспъ

Араспъ слушавъ все, отдавалъ мнѣ въ тайнѣ довольно справедливости, дабы ничему тому не вѣрить, будучи единымъ моимъ повѣреннымъ во всемъ томъ, что происходило прежде между Фредевигою, Урисбертою и мною; но скрывая имъ чаемое, и разсудя, что я имѣя дѣло съ весьма сильными особами не легко могу оправдаться, принялъ въ минуту намѣренїе; и дабы быть въ состоянїи мнѣ услужить лучше, говорилъ явно противъ мнимаго моего покушенїя, и прошелъ въ покои къ Королю, дабы показать ему свою досаду, и принять отъ него приказъ. Онъ нашелъ тамъ дражайшую мою Урисберту, и Принцессу мать твою, кои обнимая его колѣна, просили только меня выслушать: но сей Монархъ былъ въ толь ужасномъ гнѣвѣ, что вырвавшись изъ рукъ ихъ, и посмотрѣвъ на нихъ взоромъ яростїю наполненнымъ: онъ умретъ, сказалъ имъ, ничто не можетъ меня умилостивить, я знаю давно дерзновенныя его желанїи, и не хочу ни видѣть его ни слышать. Послѣ сихъ словъ обратясь къ Араспу, приказалъ объявить мнѣ приговоръ къ казни, и

чтобъ на другой день отрубили мнѣ голову на эшафотѣ. Послѣ Урисберты и Ильдегарды такъ увеличилъ сей безчеловѣчный приказъ, что находящїеся при дворѣ будучи тронуты ихъ отчаянїемъ распростерлись къ ногамъ Арольдовымъ, и просили мнѣ помилованїя; и какъ въ числѣ придворныхъ находилось много искреннихъ моихъ друзей, то отважились они сказать, что будетъ другая кровь пролита, прежде нежели прольется моя. Араспъ пользуясь толь дерзновенною угрозою, на которую король отвѣтствовалъ только страшнымъ взоромъ, вышедъ въ свой кабинетъ, послѣдовалъ за нимъ, и представлялъ ему, что будетъ неразумно, казнить меня общенародно, что воины станутъ меня защищать, возмутятъ народъ, и онъ думаетъ, что для безопасности его величества надлежитъ умертвить меня въ тюрмѣ не назначивая къ тому дня; что когда ужè о томъ будетъ извѣстно, то ревность моихъ друзей погаснетъ, и потерявъ чрезъ то надежду меня спасти, не вступятъ они въ такой мятежъ, которой ужè не принесетъ имъ никакой пользы. Арольдъ такъ

былъ

былЪ увѢренЪ о моей винности, и желанїе мщенїя такЪ воспаляло ево душу, что не безпокоился о томЪ, какою бы смертїю я ни умерЪ, лишь бы только свободиться отЪ ненавистнаго солюбовника. Такимъ образомЪ склонился на совѢтЪ АрасповЪ, хвалилЪ его благоразумїе, и оставилЪ на его волю, скрыть ли мою смерть, оли оную обнародовать.

КакЪ Урисберта еще не покинула покоевЪ КоролевскихЪ вЪ намѢренїи, чтобЪ поговорить сЪ АраспомЪ, то лишь только увидѢла его выходящаго изЪ кабинета, какЪ побѢжала за нимЪ, дабы узнать, умилостивился ли надо мною Король, и дозволено ль ей меня видѢть? ВѢрный АраспЪ продолжая представлять до конца принятое имЪ на себя лице, отвѢчалЪ ей сЪ холодностїю, что Король положилЪ на мѢрѢ казнь мою, и запретилЪ, чтобЪ никово ко мнѢ не пускать; потомЪ оставилЪ ее немѢдленно опасаясь, чтобЪ сожалѢнїе влїянное вЪ него жестокою ея печалїю, не принудило его перемѢнить рѢчь свою. Не возможно изобразить, колико нѢжная сїя Принцесса была тронута,

обрѣтши жестокость въ сердцѣ человѣка возведеннаго на вышшую степень достоинства единственно по моему представительству. Сїе умноженїе ея мученїй придало онымъ такую силу, что Ильдегарда вывела ее изъ дворца почти умирающую.

Но Араспъ не оставилъ ее надолго въ семъ плачевномъ состоянїи, и на вечеръ одинъ переодѣвшись пошедши въ ея покой усмирилъ нѣкую часть ея смущенїй, открывъ ей свое намѣренїе, и обѣщалъ ей, что увидитъ она меня около полуночи. Въ самомъ дѣлѣ возвратился онъ ко мнѣ; и увѣдомивъ меня о моемъ преступленїи и о прїуготовляемой мнѣ судьбинѣ., просилъ меня бѣжать въ сїю самую ночь. Онъ былъ природный Датчанинъ, и имѣлъ тамъ родственниковъ, въ дружествѣ которыхъ былъ онъ увѣренъ, и просилъ меня бѣжать къ нимъ, и воспрїять тамъ убѣжище тѣмъ безопаснѣйшее, что отъ не умѣдлитъ ко мнѣ прїѣхать, и проводитъ туда мою супругу и дочь, когда слухъ о моей смерти закроетъ Королю глаза о моихъ поступкахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что

имѣетъ

имѣетъ въ темницѣ колодника, коего поставитъ на мое мѣсто, и въ моемъ одѣяніи и подъ моимъ именемъ велитъ его казнить назначенною мнѣ смертію; а я бы между тѣмъ переодѣвшись направилъ стопы мои въ Данію. Какъ время понуждало, и нѣчего было дѣлать другаго, то согласился я на его предложеніи. Онъ приказалъ пріуготовить все, и здѣлавъ проектъ свой неминуемымъ, пришелъ ко мнѣ, и просилъ меня толь усильно ввѣрить ему истинну произшедшаго между Королевою и мною, что я не могъ отъ того отговориться; но принудивъ его клясться, что сія бѣдственная тайна николи изъ устъ его не выдетъ, и что сама Урисберта того никогда не узнаетъ: послѣ чего разсказалъ я ему все, что онъ хотѣлъ знать, и дабы подать ему опыты о моихъ словахъ, показалъ ему письма, кои писала ко мнѣ сія государыня, и кои имѣлъ я съ собою, когда меня арестовали. Онъ читалъ ихъ съ крайнимъ удивленіемъ, и взялъ ихъ отъ меня подъ видомъ, что должно мнѣ оставить мое платье для

назначеннаго на мое мѣсто колодника; онъ сложилъ ихъ опять, и обѣщалъ мнѣ возвратить. Надобно ихъ хранить, сказалъ онъ мнѣ, естьли Фредевига умретъ прежде Короля, то будутъ онѣ служить ко язъявленїю ему его неправосудїя.

Такимъ то образомъ разговаривали мы до той минуты, когда всѣ находящїяся въ крѣпости сну предалися. Тогда Губернаторъ одѣвъ меня въ солдатское платье, провелъ по потаенной лѣсницѣ, въ низу которыя приказалъ часовому отворить ворота стоящїе ко рвамъ, коихъ мостъ былъ опущенъ. Я увидѣлъ, что сей солдатъ былъ въ заговорѣ по хранимому имъ безмолвїю Мы перешли чрезъ мостъ, и вѣрный Араспъ проведши меня разными закоулками, ему одному свѣдомыми, привелъ меня въ мой домъ безъ наималѣйшаго препятствїя. Урисберта усыпила всѣхъ своихъ людей, и ожидала меня одна съ кормилицею моея дочери, на коюю она была надежна. Мы обнималися стократно, я просилъ ее вѣрить, что я никогда не помышлялъ о Королевѣ, что вѣрность моя къ ней была ненарушима

шима, и приписуемое мнѣ преступленіе было хитростію Короля и Королевы, дабы имѣть видъ къ моему погубленію. Я не имѣлъ труда въ томъ ее увѣрить, но много стоило мнѣ воспрепятствовать ей, бѣжать со мною. Однакожъ дали мы ей толь изрядно знать, Араспъ и я, какой важности было то, чтобъ почитали меня мертвымъ, дабы воспрепятствовать слѣдовать по слѣдамъ моимъ, или наказать Араспа, что согласилася она меня отпустить. Губернаторъ поспѣшилъ нашимъ разставаньемъ, и вырвавъ меня изъ объятій сея дражайшія супруги, вывелъ меня изъ города, гдѣ нашелъ я въ готовности коней съ тремя изъ самыхъ храбрыхъ солдатъ изъ числа тѣхъ, коими я командовалъ, дабы выпроводить меня на границы Дацкія. Я условился съ Араспомъ, чтобъ дать мнѣ о себѣ знать его родственникамъ подъ именемъ Коромана, Офицера недовольнаго Королемъ Норвежскимъ, и пріѣхавшаго искать службы въ Даніи, гдѣ надлежало мнѣ его ожидать. Я былъ снабдѣнъ отъ него письмами, въ коихъ толь усильно

рекомендовалъ меня своимъ родственникамъ, что мнѣ не было нужды употреблять много словъ, дабы быть тамъ благосконно приняту. Я поѣхалъ на кораблѣ по морю Датскому, и прибылъ въ сїе королевство безъ наималѣйшаго приключенїя.

Родственники Арасповы соотвѣтствовали совершенно тому, чего онъ надѣялся; хотя бы признали они меня и за того, кто я въ самомъ дѣлѣ, однако не могъ бы я отъ нихъ требовать болѣе чести и старанїя. Я находился тамъ три мѣсяца, непрестанно безпокоясь о судьбинѣ его и Урисбертиной; но имѣлъ счастїе по прошествїи сего времени увидѣть ихъ прибытїе. Я позабылъ всѣ мои злоключенїи обнимая супругу толь дражайшую, и друга толь вѣрнаго, а взоръ моея дочери здѣлалъ радость мою совершенною. Послѣ первыхъ восхищенїй, кои внушало намъ удовольствїе, увидя себя паки соединенныхъ, увѣдомили они меня о произшествїяхъ, ввергнувшихъ меня во удивленїе, и здѣлавшихъ мнѣ Урисберту тысящекратно драгоцѣннѣйшею. На другой день послѣ

моего

моего изъ Дромтена отбытія, Араспъ въ присутствіи всего гарнизона крѣпости, приказалъ отрубить голову тому колоднику, которому приказалъ принять на себя мое имя и надѣть мое одѣяніе. Сей бѣднякъ ожидавшій конца своего отъ жесточайшихъ казней, былъ толь доволенъ сею перемѣною, что шелъ на смерть съ видомъ неустрашимости, утвердившей народъ въ томъ мнѣніи, что то былъ я. Ибо ты знаешь, государь, что есть между нами обычай, закрывать лица знатныхъ особъ, коимъ рубятъ головы, опасаясь, чтобъ видомъ своимъ не возбуждали они сожалѣнія опаснаго для сей плачевной церемоніи. И такъ сей бѣднякъ былъ казненъ, и дабы не открылася сія опасная тайна, Араспъ приказалъ обернуть въ томъ же мигъ ево тѣло, и отвезти по обыкновенію нашему въ подземельной погребъ, назначенный для погребенія Принцевъ.

Сіе лишь только было исполнено, какъ пошелъ онъ увѣдомить Короля о моей кончинѣ, которой обнародовалъ оную самъ всему своему двору. Городъ провѣдалъ о томъ также въ

одну минуту, и сїя скорая казнь такъ всѣхъ удивила и устрашила, что никто не смѣлъ противъ того роптать, или обо мнѣ сожалѣть. Урисберта, которая не хотѣла повѣрить сей тайны моей сестрѣ, дабы слезы ея утверждали хитрость Араспову, казалась неутѣшною. Между тѣмъ Араспъ вознамѣрившїйся не пропустить преступленїя Фредевигина безъ наказанїя, видя, что никто не сомнѣвался о моей смерти, пошелъ къ Урисбертѣ, разсказалъ ей о произшедшемъ между Королевою и мною, вручилъ ей пїсма сея недостойныя Принцессы, молилъ ее, чтобъ не оставить память мою въ поношенїи, и не покидать Норвегїи не выведя неправосуднаго Арольда изъ заблужденїя

Легко себѣ вообразить то удовольствїе, которое Принцессѣ симъ познанїемъ причинено было, сколь ни хорошее имѣла обо мнѣ мнѣнїе, однако одна ея добродѣтель за меня у нее предстательствовала, а сердце ея раздираемо было потаенною ревнивостїю, надъ коею восторжествовать была несильна; но какъ опыты толь неоспоримые о моей невин-

невинности, возобновили любовь ея во всей своей силѣ, то помышляла она единственно обнародовать оную столь знаменитымъ для себя, сколь позорнымъ для Фредевиги образомъ. Она захватила письма, и не сообща предпріятія своего вѣрному Араспу, обѣщала ему, что онъ будетъ не безъ причины ею доволенъ, что хотя я былъ толь несчастливъ, имѣя неблагодарнаго Короля, однако буду по крайности съ удовольствіемъ обнадеженъ въ томъ, что имѣю жену и друга достойныхъ всея моея горячности. Въ самомъ дѣлѣ на другой день одѣвшись въ печальное платье урономъ своимъ обремененной вдовѣ приличествующее, пошла она къ Королю, когда былъ онъ окруженъ знатнѣйшими вельможами королевства. Араспъ сказывалъ, что она была толь прекрасна въ семъ состояніи, что возстало сильное около Короля роптаніе, которой примѣтилъ возбужденное ею во всѣхъ сердцахъ удивленіе. Арольдъ самъ былъ тѣмъ пораженъ; и подошедъ къ ней съ видомъ прискорбнымъ и почтительнымъ увѣрялъ ее, что не сравняетъ онъ ее съ невѣрнымъ

ея супругомъ; и естьли требуетъ она отъ него какой милости, то можетъ вѣрно получить оную.

Естьли то такъ, государь, отвѣчала она бросясь къ ногамъ его, то прошу я дозволить мнѣ здѣлать пробу раскаленнаго желѣза въ доказательство невинности несчастнаго моего супруга: знаю, что сія моя поступка не возвратитъ ему жизни; но какъ никто не знаетъ преступленія, коимъ его обвиняютъ, и казни, которую онъ претерпѣлъ; то я за должность себѣ вмѣняю оправданіе его учинить явнымъ. Королева одна виновна, и отмстила за то, что нашла въ Клодомаркѣ подданнаго надмѣру для нее добродѣтельнаго, и надмѣру своему Королю вѣрнаго, нехотящаго его оскорбить; и я докажу вамъ сію истинну съ опасностію моея жизни. Аролдъ поблѣднѣлъ при сихъ словахъ, и казался изумленнымъ; весь дворъ окружилъ ихъ обоихъ, крича громогласно, что не въ королевской состоитъ власти, отказать въ требуемомъ Урисбертою; а Монархъ нѣсколько оправившись, и посмотрѣвъ на нее пристально: ну, сударыня, сказалъ

сказалЪ ей, знаешь ли ты чему себя подвергаешь, помышляешь ли, что обвиняя несправедливо твою королеву предаешь ты себя наипоноснѣйшей казни? Я знаю все, государь, отвѣчала она сЪ жаромЪ, но не боюся ничего: КлодомаркЪ хотѣлЪ лучше умереть, нежели открыть твое посрамленїе, а я не могу безЪ того жить, чтобЪ его не оправдать; вотЪ, сказала она, показавЪ ему письма королевины, вотЪ перьвые опыты его невинности, кои незапный случай доставилЪ вЪ мои руки, а другїе будутЪ тѣ, что увидите меня вышедшую безЪ наималѣйшаго вреда изЪ пробы раскаленнаго железа.

Состоянїе Арольдово вЪ сїю минуту не можетЪ быть изображено, онЪ слушалЪ принцессу, и читалЪ вЪ туже минуту сїи бѣдственныя письма, коихЪ знакомЪ ему былЪ почеркЪ; видѣлЪ во оныхЪ свое поруганїе, и страсть Фредевигину столь изрядно изображенну, что не возможно было придать онымЪ благопоспѣшный толкЪ. ВЪ прочемЪ проразумѣвалЪ, что когда откажетЪ принцессѣ, то королева будучи толь

явно обнесена, неостанется безъ подозрѣнія, мнѣніе, кое о ней воспрїимутъ падетъ на него, собственный его покой будетъ тѣмъ вѣчно нарушенъ; и что лучше доказать ея невинность погубленїемъ Урисберты, или наказать ее, естьли подлинно она виновна, нежели оставить славу свою помраченною, какимъ бы то ни было образомъ.

Терзаемый сими различными движенїями, стоялъ онъ долгое время, ничего неотвѣчая; но принуждаемый Принцессою и знатнѣйшими двора своего вельможами, принялъ рѣшительное намѣренїе, и обратясь къ Урисбертѣ: *изрядно же*, сказалъ ей, *завтре будемъ мы свидѣтели сего новаго зрѣлища*. И въ тотъ же мигъ повелѣвъ ее отвести въ темницу, и наблюдать точно, чтобъ не было никакова подлога въ сей пробѣ, послалъ съ запрещенїемъ къ Королевѣ, чтобъ не выходила она изъ своихъ покоевъ, и приказалъ окружить оные своей гвардїи. Когда требованїе Урисбертино повсюду стало извѣстно, тогда Ильдегарда ужаснулась, и сомнѣваясь, какъ и многїе другїе, о моей невинности, побѣжала и бросилась

силась къ ногамъ Королевскимъ, прося его, взирать на сію Принцессу какъ на лишенную смертію супруга своего разума. Но Арольдъ, который имѣлъ время разсуждать о письмахъ королевиныхъ, и привести въ умъ ту торопливость, съ коею требовала она моей смерти, отвѣчалъ ей, что не можетъ онъ болѣе того отмѣнить, и еще болѣе нежели она тронутъ неразуміемъ Урисбертинымъ, но не силенъ ужѐ отъ того отступить.

Невѣроятна нетерпѣливость, съ коею дворъ и городъ ожидали часа сея пробы, которая изъ давныхъ временъ не производилась, и не видана безъ сомнѣнія съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ ты въ совершенный возрастъ. Между тѣмъ надлежитъ тебѣ знать, что то бляха желѣза на́ красно огнемъ раскаленная, которую даютъ держать въ рукахъ желающимъ доказывать свою невинность: естьли кто виноватъ, то сожжетъ она со всѣмъ ру́ки, естьли же кто не виновенъ, то не причинитъ она ни малѣйшаго вреда. Что касается до меня, то признаюсь въ моей слабости, сколь былъ я ни безвиненъ, однако не здѣлалъ

бы

бы николи таковаго опыта, и не могу уразумѣть, по какому внушенію Урисберта имѣла смѣлость тому подвергнуться. Я не буду разсказывать тебѣ того, что думала тогда Королева, не будучи о томъ увѣдомленъ, потому что никто ее не видѣлъ, и Араспъ самъ былъ въ такомъ неустройствѣ отъ предпріятія моея супруги, что не имѣлъ вниманія ни къ чему иному, опричь того, что надлежало ей дѣлать. Но я увѣренъ, что Фредевига не устрашилась сего поступка, и будучи столь же не суевѣрна сколь мало добродѣтельна, ласкала себя, что раскаленное желѣзо ее оправдаетъ, и освободитъ на всегда отъ такой соперницы, которую она всегда ненавидѣла. Какъ бы то нибыло, однако наконецъ сей день наступилъ; амвонъ поставленъ былъ посреди большой противъ дворца находящейся площади; на оной были подѣланы мѣста для Короля, знатнѣйшихъ вельможъ Королевства, сенаторовъ, и судей долженствовавшихъ осудить Урисберту на смерть, естьли раскаленное желѣзо изобличитъ ее во лжи; а народъ стоялъ

на

на площади. Когда дворъ туда прибылъ, тогда свели Урисберту на амвонъ, довлѣющій служить Ѳеатромъ ея славы, или посрамленія. Она лишь только на оной взошла, какъ сбросивъ покрывало, коимъ была обернута: Призываю Небо свидѣтелемъ, сказала, въ невинности Принца Клодомарка, и обвиняю предъ нимъ и предъ людьми виновною Фредевигу въ томъ, что хотѣла она побудить его измѣнить своему Королю, соотвѣтствуя беззаконной ея любви. Едва окончала она сіи слова, какъ принесли на желѣзной сковородѣ раскаленную бляху. Она не умѣдлила схватить оную, и держа ее обѣими руками, сжимала изо всей своей силы предъ глазами всего многочисленнаго собранія, не измѣняясь въ лицѣ, ниже изъявляя наималѣйшее опасеніе. Но о дѣло превосходящее мое знаніе! Сія бляха, которую всякъ приходилъ трогать, и къ коей никто не могъ приближиться не возчувствовавъ сильнѣйшаго жару оныя, не здѣлала ни малѣйшаго пятна на рукахъ нѣжныхъ и тонкокожихъ возлюбленныя моея Урисберты, онѣ ка-

зались еще отъ того гораздо красивѣе и бѣляе; и когда назначенное къ держанію оныя время протекло, тогда тѣ, коимъ надлежало отъ ней взять оную, должны были употребить орудіи для ея отнесенія, не могши снести произходившаго отъ ней жару. Клики и восклицаніи народныя раздавалися по всѣмъ мѣстамъ; судьи не могши поступить противъ законовъ, обьявили меня невиннымъ, смерьть мою неправо сужденною, а Короля обязаннымъ для успокоенія моихъ костей къ пролитію крови Королевиной. Сей Монархъ устратившись отъ видѣннаго, и будучи исполненъ удивленіемъ къ твердости Урисбертиной, и презрѣніемъ къ Фредевигѣ, послалъ для принятія супруги моея четырехъ знатнѣйшихъ вельможъ двора своего, дабы проводить ее въ тріумфѣ во дворецъ. Что до нея касалося, то она будучи благоразумна, умѣренна и тронута милосердіемъ оказаннымъ ей отъ боговъ, соблюла все свое воздержаніе, и заперлась въ своихъ покояхъ, въ намѣреніи, чтобъ принудить Араспа вывести ее на всегда изъ такой зем-

лій, коей она не могла терпѣть, и которую желаніе, со мною соединиться, дѣлало ей еще гораздо несноснѣйшею.

Между тѣмъ Арольдъ не могши обойтись безъ того, чтобъ не казнить смертію Королеву, видя толь явное противъ ней доказательство, скрылся во внутренность своихъ покоевъ, дабы избѣжать крику сея Принцессы, и поискать способовъ ко удовлетворенію народа безъ пролитія ея крови. Склонности, кои Принцесса Урисберта въ душѣ его паки возобновила, побудили его сыскать скоро оныя; и на другой день собравши свой совѣтъ, объявилъ во ономъ Фредевигу недостойною престола, бракъ свой съ нею уничтожилъ, повелѣлъ сослать ее во внутренность Лапландіи, и хотѣлъ предложить корону и руку свою Принцессѣ Урисбертѣ, почитая то за единственное средство къ награжденію претерпѣннаго ею урона, и ко отмщенію ея соперницѣ. Совѣтъ не полагалъ никакихъ препонъ сему намѣренію, онъ похвалилъ мнѣніе Королевское, и наказаніе Фредевигино; прибавилъ только къ сему, чтобъ

Арольдъ обязался клятвою не принуждать Принцессу, естьли не согласится на то добровольно, и что на семъ одномъ договорѣ дозволяется ему не казнить смертїю Королевы.

Онъ на то склонился, не воображая себѣ, чтобъ Урисберта могла отринуть таковую честь. При выходѣ изъ совѣта назначилъ онъ тѣхъ, коимъ надлежало Фредевигу отвезти въ Лапландїю, и отправилъ ее безъ отлагательства, не дозволя ей передъ себя предстать. Тотчасъ послѣ ея отбытїя послалъ онъ къ Урисбертѣ перьваго своего совѣтника, дабы извѣстить ей о предпрїятомъ имъ, и представить ей вышшее достоинство. Не можно больше удивиться, какъ она при семъ предложенїи: покушалась остановить слѣдствїя того открывъ мою тайну, но разсудя, что Арольдъ былъ Государь непостоянный и лукавый, которой не простилъ бы можетъ быть вѣрному Араспу показанной мнѣ услуги, и взиралъ бы на меня всегда какъ на препону своимъ желанїямъ, наложила на себя вѣчное о томъ безмолвїе, и довольствовалась отвѣтомъ, что чувствуетъ все слѣд-

ствїе

ствіе милостей, кои Король ей оказать хочетъ, познаетъ всю цѣну оныхъ; но пребываетъ столь же вѣрною памяти своего супруга, сколь была во время его жизни, и будучи удалена отъ принятія короны, проситъ Короля дозволить ей отъѣхать въ бергенъ, дабы препроводить тамъ остатокъ своея жизни, и сколь ни усильно ее о семъ просили, однако не могли отъ ней получить инаго отвѣта. Принцесса, мать твоя, которая тогда весьма почитаема была Арольдомъ, и хотѣла соблюдать его милость ради тебя, прилагала все свое стараніе, дабы побудить ее перемѣнить свою мысль, и представляла ей презираемое ею счастіе, не могши въ томъ предуспѣть; и дабы сократить толь неотступныя прозьбы, воспользуясь защитою совѣта и клятвою Арольда, отправилась она съ дочерью своею и нѣсколькими повѣренными женщинами въ бергенъ; гдѣ ожидала Араспа, который не умѣдлилъ къ ней пріѣхать, получа отъ Короля безъ дальнаго затрудненія позволеніе, удалиться отъ двора. потому что сей Монархъ взиралъ послѣ онаго

произшествія на всѣхъ крайнею холодностію, коей одна Принцесса Ильдегарда не ощущала дѣйствій. Урисберта и онъ спустя малое время сѣдши на корабль прибыли, какъ я уже тебѣ сказалъ, въ Данію, мое убѣжище, и разсказали мнѣ все то, о чемъ я тебѣ объявилъ выше сего. Ты разсудишь безъ труда, Государь, колико благодарности изъявилъ я дражайшей моей Урисбертѣ, и колико горячностію и любовію заплатилъ ей за ея постоянство и мужество. Однако не взирая на мои старанія обрѣлъ я въ ней прискорбность, которая меня печалила. Я принуждалъ ее сказать мнѣ тому причину, и она призналась мнѣ, что не хорошо жить ей въ Даніи, и послѣ нашихъ злоключеній усмотрѣла она, что другіе народы по справедливости почитаютъ насъ варварами, и естьли хочу я ей изъявить чувствительный опытъ своея любви, то бы отправился во Францію или Ишпанію, коихъ народы гораздо просвѣщеннѣе, и нравы гораздо пріятнѣе, нежели въ нашихъ студеныхъ странахъ.

Любя ее паче всего на свѣтѣ, не колебался я ее удовольствовать; и обьявилъ любезному моему Араспу взятое мною намѣреніе, чтобъ ѣхать во Францію, предпочтя сей климатъ Ишпанскому. Сей вѣрный другъ не хотѣлъ насъ покинуть, и вознамѣрился слѣдовать за нами повсюду, куда бы мы стопы свои ни направили. Я былъ тѣмъ плѣненъ: мы учредили порядокъ къ нашему отъѣзду, сѣли на корабль, Урисберта, Ильдегарда дочь моя, бывшая тогда четырехъ лѣтъ, Араспъ и я съ служителями самонужнѣйшими, и отправились во Францію. Но послѣ осми дней наиприятнѣйшія погоды въ свѣтѣ, въ ночи на девятый, застигла насъ толь жестокая буря, что все искуство кормчаго было безплодно, и надлежало вознамѣриться пустить корабль нашъ на произволъ разгнѣваннымъ вѣтрамъ и волнамъ. Сія буря продолжалась три дни и три ночи, показывая намъ ежеминутно смерть, и кончилась нашимъ кораблекрушеніемъ въ виду берега нами незнаемаго. Корабль нашъ со всѣхъ сторонъ имѣлъ скважины, и мы предались на произволъ вол-

намъ, не могши другъ другу помогать, и не надѣясь избавиться отъ смерти. Я упалъ въ море, и подкрѣпляемъ будучи нѣсколько времени желанїемъ, кое даетъ намъ природа, дабы избавиться отъ смерти, плылъ съ довольною силою около двухъ часовъ. Но наконецъ удрученный усталостїю и томленїемъ, лишился чувствъ, и не зналъ больше, что со мною послѣдовало; также не свѣдомо уже мнѣ было, сколько времени боролся я между жизнїю и смертїю; но могу тебѣ только сказать то, что нашелъ я себя не зная какъ на рукахъ многихъ людей, коихъ видъ дикїй и варварскїй, провозвѣстилъ мнѣ скоро, что я спасся отъ одной опасности, дабы подвергнуться другой. Они выпустили изъ меня всю поглощенную мною воду; и я получилъ мои чувства не для чего инаго, какъ чтобъ предаться жесточайшему отчаянїю, не видя ни дражайшей моей Урисберты, ни дочери.

Какъ языкъ вытащившихъ меня изъ моря, побудилъ меня почитать ихъ за Нѣмцовъ, то я зная оной совершенно, употребилъ его въ свою пользу,

пользу, спрашивая у нихъ, одново ли они меня спасли только? Они отвѣтствовали, что нѣтъ, и когда увидѣли меня со всѣмъ оправившагося, тогда наложили на меня оковы, сказывая другъ другу, что надобно меня хранить для принесенія на жертву богу Ирминзулю въ возблагодареніе за то, что избавилъ онъ ихъ отъ кораблекрушенія. Печаль моя была толь велика отъ претерпѣнныхъ мною уроновъ, что сіи слова не причинили мнѣ ни малѣйшаго ужаса; и хотя они дали мнѣ знать, что былъ я невольникъ одного Саксонскаго морскаго разбойника, и мнѣ свѣдомо было, что сей народъ приноситъ богамъ своимъ людей на жертву; однако не чувствовалъ я никакова сожалѣнія о жизни. Въ самомъ дѣлѣ повезли они меня въ Ересбургъ, и представили верховному жрецу сего храма, прося его принести меня на жертву Ирминзулю, во исполненіе по ихъ объявленію учиненнаго ими обѣта. Не знаю, что понравилось во мнѣ сему первосвященнику; но будучи удаленъ отъ того, чтобъ меня пожерти, помышлялъ только о томъ, чтобъ меня

спасти. Одинъ способъ былъ, чтобъ меня у нихъ купить, и посвятить ко услуженїю храма; что и учинилъ онъ немедлѣнно представляя, что недостатокъ имѣетъ въ жрецахъ. Корсары, коихъ набожность была искушаема золотомъ, приняли предложенїе первосвященника съ великими знаками почтенїя, и оставили меня въ его власти; и когда былъ онъ свободенъ говорить со мною безъ свидѣтелей, тогда спросилъ меня о имени моемъ, отечествѣ и породѣ. Я отвѣчалъ ему, что я называюсь Короманомъ, отъ благородной крови и уроженецъ Норвежскїй, что я выѣхалъ изъ моего отечества съ женою моею и дочерью, дабы отправиться во Францїю, куда важныя дѣла меня влекли; что корабль мой жестокою бурею разбило; супруга моя, дочь и другъ послѣдовавшїе за мною, погибли, что Саксонскїе корсары мнѣ вспомоществовали и меня взяли, и что я желалъ только смерти потерявъ единыхъ предмѣтовъ заставлявшихъ меня прилѣпляться къ жизни.

Онъ казался быть тронутъ моимъ несчастїемъ, и сказалъ мнѣ,

что со времени его первосвященничества убѣгая всегда отъ принесенія на жертву невинныхъ, и тѣхъ, коихъ злощастный рокъ приводилъ въ сіи мѣста, не навѣдаясь напередъ, достойны ли они того, купилъ онъ меня у разбойниковъ, дабы отъ того свободить, разсуждая по моему виду, что я не подлаго происхожденія. Послѣ сего употребилъ свое краснорѣчіе, дабы меня утѣшать, и обѣщалъ мнѣ весьма хорошее содержаніе, естьли восхощу я къ нему прилѣпиться, и подвергнусь безъ отвращенія къ служенію храма. Я несиленъ былъ тому противиться, и ласкаясь, что печаль моя не долго заставитъ меня жить въ сей неволѣ, обѣщалъ употребить всѣ мои силы, дабы его удовольствовать. Между тѣмъ отъ сего времени милости и стараніи сего первосвященника хотя не лишили меня напоминовенія о претерпѣнныхъ мною уронахъ, однако побудили меня по малой мѣрѣ сносить оные съ терпѣніемъ. Я препроводилъ пятнатцать лѣтъ въ семъ состояніи, и верховный жрецъ имѣя одинъ право назначить по себѣ преемника, естьли король

никого

никого не представитъ, и видя себя угнѣтаема жестокою болѣзнїю, которая сопряжена будучи съ глубокою старостїю, провозвѣщала ему скорую кончину, собралъ своихъ жрецовъ, и наложилъ на меня сїе достоинство по единодушному ихъ согласїю, какїя ни употреблялъ я прозьбы, дабы отъ того отговориться. болѣзнь его мало дней спустя послѣ того усилилась, и ввергла его во гробъ.

Почтенїе и подобострастїе, кое духовенство его ко мнѣ въ семъ случаѣ оказывало, подтвердивъ его выборъ, побудили меня вступить безъ прекословїя во отправленїе моея должности, не давая о себѣ знать никому, убѣгая съ крайнимъ раченїемъ сообщенїя съ вельможами, и не выходя изъ храма кромѣ того, когда Король имѣлъ приказанїе о принесенїи какїя нибудь чрезвычайныя жертвы. Весталы обитающїя въ другомъ храмѣ, покорены моей власти; но не дозволяется мнѣ ихъ видѣть кромѣ того часа, когда приносятся жертвы; я даю имъ знать о моихъ приказанїяхъ письменно. Жрица нынѣ ими повелѣвающая

щая не старѣе въ своемъ достоинствѣ, какъ и я; она называется Клодомирою; я никогда ее не видывалъ, не принося еще ниединыя жертвы. Сказываютъ, что была она при дворѣ за два года, что красота ея тронула Витикинда, и для избѣжанія отъ него, воспріяла она прибѣжище къ Весталамъ. Какъ прежняя жрица за нѣсколько мѣсяцовъ умерла, и мѣсто ея давалось по жеребью, то оный палъ на Клодомиру, которая должна завтре въ первый разъ принести на жертву буйвола богу Ирминзулю; и ты лишь только вчера меня покинулъ, какъ Король за мною прислалъ, и приказалъ оное, желая, чтобъ сїе жертвоприношенїе послѣдовало со всею церемонїею могущею уважить великолѣпїе онаго. Выходя изъ дворца погруженъ будучи въ печальныя размышленїи, николи меня непокидавшїя, увидѣлъ я на дорогѣ бѣднаго пастуха, смотрѣвшаго на меня съ такимъ вниманїемъ, что я почелъ его за имѣющаго нужду въ какихъ нибудь знакахъ щедрости. Въ сихъ мысляхъ будучи приблизился я къ нему, дабы дать ему

нѣсколько денегъ. Тогда увидѣвъ онъ меня въ близи! великїе боги! вскричалъ, я не ошибаюсь, это Принцъ Клодомаркъ.

При сихъ словахъ, и при такомъ голосѣ, котораго не могъ я истребить изъ памяти, узналъ я дражайшаго моего Араспа: разсуди о моей радости и удивленїи. Между тѣмъ небудучи въ такомъ мѣстѣ, чтобъ изъявить предъ нимъ оныя, здѣлалъ я ему знакъ, чтобъ молчать, и слѣдовать за мною во храмъ, куда лишь только я пришелъ, какъ предавшись моему восхищенїю: Араспъ, дражайшїй мой Араспъ! сказалъ я ево обнимая, правда ли, что тебя я вижу? Такъ, государь, отвѣчалъ онъ мнѣ, изъявивъ удовольствїе подобное моему; и желанїе мое было бы совершенно, естьлибъ возмогъ я возвратить тебѣ купно со мною предмѣтовъ стократно тебѣ драгоцѣннѣйшихъ. Какъ сїи слова возобновили прежнїя мои печали, то пришелъ было я отъ того въ жалостное состоянїе, какъ онъ пресѣкши оное: Не смерть Урисберты и Ильдегарды, государь, надобно тебѣ

опла-

оплакивать, сказалъ онъ мнѣ, онѣ не погибли, и должны и по нынѣ еще быть живы; но не знаю, куда онѣ дѣвались, Урисберта съ того времени, какъ пастухи вытащили ее изъ моря, такъ какъ и меня, а прекрасная Ильдегарда за два года, какъ началъ ее искать. Что? любезный мой Араспъ, пресѣкъ я, не ужѐ ли супруга моя и дочь еще живы, и не ужѐ ли могу я возобновить въ душѣ моей сладчайшее упованіе ихъ паки увидѣть? Естьли надежда можетъ быть облегченіемъ столь великихъ бѣдствій, отвѣчалъ онъ мнѣ, то надлежитъ стараться питать оную въ твоемъ сердцѣ; но увы! боюсь, чтобъ не обманула она нашего упованія, и чтобъ судьба не для того только намъ благопоспѣшествовала, дабы тѣмъ лучше насъ обременить. Я просилъ его увѣдомить меня о всемъ случившемся съ нимъ послѣ нашего кораблекрушенія, и по какому бѣдственному произшествію боги спасши Урисберту и дочь мою, разлучили ихъ съ нимъ такимъ образомъ, что сомнѣвается онъ обрѣсть ихъ паки?

Онъ

Онъ удовлетворилъ справедливое мое любопытство, и мы препроводили часть ночи въ семъ упражненіи. Но какъ не нужно разсказывать тебѣ о разсужденіяхъ, коими преисполнилъ онъ свое повѣствованіе, и я стараюсь только извѣстить тебя о самоважнѣйшихъ приключеніяхъ моей жизни, то не послѣдую я порядку рѣчей ево, и удовольствуюсь, сказавъ тебѣ слѣдующее: во время нашего кораблекрушенія, Араспъ, коего усердіе ко мнѣ дѣлало примѣчательнымъ на все то, что мнѣ драгоцѣнно, держалъ тогда дочь мою въ своихъ обьятіяхъ, дабы укротить крикъ и вопль испускаемый отъ ужаса на всемъ кораблѣ, такъ что когда корабль протекъ и вода готовилась проглотить насъ всѣхъ, сей вѣрный другъ упалъ въ море, отягченный симъ драгоцѣннымъ бремянемъ. Но невзирая на ужасъ таковаго произшествія сохраняя свое благоразуміе, держалъ онъ дитя одною рукою, а другою плылъ съ такимъ смѣльствомъ и счастіемъ, что доплылъ до берегу, не покинувъ своея добычи. Пастухи смотрѣвшіе на плывущіе остатки несчастнаго нашего кораблекру-

шенія

шенія, обозрѣвъ его, прибѣжали къ нему на помощь, и приняли его съ крайнею ласковостію. Одинъ отвелъ его въ свою хижину, другой привелъ свою жену, дабы имѣть призрѣніе за дитятемъ, и всякъ старался угождать ему съ такимъ доброходствомъ, что онъ скоро оправился отъ трудовъ своихъ и отъ боязни въ разсужденіи Ильдегарды, которая не чувствовала иной боли, кромѣ того что была надмѣру крѣпко держима. Но будучи жестоко тронутъ судьбиною моею и Урисбертиною, бѣгалъ онъ почти по всему берегу съ пастухами, дабы посмотрѣть, не найдетъ ли насъ живыхъ или мертвыхъ. Труды его были тщетны; но пастухи дѣлали для него толико поисковъ, что увѣдомились, будто подобные имъ овчари изъ отдалѣннѣйшей деревни, вытащили изъ воды женщину, которая помощію доски приплыла къ ихъ берегу; что они прилагали объ ней нѣсколько дней стараніе, за что она ихъ наградила, отдавъ имъ богатое свое платье, и пользуясь однимъ алмазомъ зашитымъ въ ея платьѣ,

заплатила за переѣздъ свой на купеческой корабль, которой запасался у берегу свѣжею водою, и отъ онаго отъѣхалъ, невѣдомо куда, съ сѣвшею на оной госпожею.

Араспъ лишь только услышалъ про сїю вѣсть, какъ перешелъ въ уѣздъ сихъ овчарей, дабы видѣть тамъ одежду той, коей они вспомоществовали, и признавъ оную за Урисбертину, не сомнѣвался о ея жизни, ибо всѣ пастухи увѣрили его, что видѣли ее на корабль садившуюся, но не знаютъ, въ которую страну корабль направилъ путь свой.

Что до меня касалося, то не могши болѣе ничего провѣдать, почиталъ онъ меня одного жертвою бури; и будучи лишенъ всея помощи, и не зная гдѣ искать пристанища, вознамѣрился жить съ пастухами, кои оказывали ему толико дружества, предпрїявъ воспитать тамъ Ильдегарду, пока придетъ она въ такой возрастъ, что въ состоянїи будетъ воспрїять путь въ Норвергїю, надѣясь что въ сїе время Королевство приметъ на себя можетъ быть другой видъ, и что

не

не боясь Арольда возможетъ онъ возвратить дочь мою своему отечеству, и показать ее Принцессѣ твоей матери, а ея теткѣ. Какъ въ прочемъ пастухи увѣдомили его, что Саксонскихъ морскихъ разбойниковъ крайнѣ надлежитъ бояться, когда кто не въ состоянiи имъ противиться, и что невольники, коихъ они получали обѣихъ половъ, какихъ бы лѣтъ ни были, приносились на жертву богу Ирминзулю; то не хотѣлъ онъ съ дочерью моею подвергнуть себя опасности, быть отъ оныхъ поиману; и хотя сiи пастухи природные Саксы и подвластны законамъ Витикиндовымъ, однако какъ не приносятъ кровавыхъ жертвъ, то составляютъ отдѣленное общество; всѣ ихъ старанiи ограничиваются тѣмъ, что обогащаются отъ стадовъ своихъ, но какъ невинность ихъ упражненiй простирается на ихъ нравы и склонности, то думалъ, что не возможно ему лучше здѣлать, какъ здаться на неотступныя прошенiи чинимыя ими, дабы у нихъ жить.

И такъ промѣнивъ саблю на посохъ, пасъ онъ стада съ тѣмъ пастухомъ, который взялъ его въ свою хижину, и не имѣлъ болѣе другихъ мыслей, какъ воспитать Ильдегарду, коей сказался онъ отцемъ. Сей вѣрный другъ препровождалъ жизнь сельскую такимъ образомъ около семнатцати лѣтъ, въ которое время Ильдегарда здѣлалась дивомъ прелестей и красоты. Всѣ пастухи ее обожали, а пастушки почитали. Какъ Араспъ стремился исправить ея разумъ, сколько могло ему дозволить сїе дикообразное убѣжище, и боялся, чтобъ нѣкоторые пастухи не вознамѣрились похитить ея сердце; то ввѣрилъ онъ ей тайну ея природы, и злополучїи ея родителей, дабы узнавъ благородство своего произхожденія, имѣла она и мысли благородныя, и удалила сердце свое отъ страсти могущей рушить ея покой и непорочность. Сїя младая Принцесса, сообразовалась совершенно его желанiямъ; и какъ добродѣтель ея уподоблялась красотѣ, то взиралъ онъ на нее какъ на сокровище попеченiю его отъ боговъ врученное, дабы

бы дать имЪ вЪ ней отчетЪ. Однакожъ не смотря на непрестанное его вниманїе сїе сокровище похищено у него вЪ самую ту минуту, когда наименѣе онЪ того ожидалЪ.

Ильдегарда, коей сердце и разумЪ не могли унизиться до упражненїй простолюдиновЪ, обучалась сЪ своего младенчества сЪ нѣкоторыми равныхЪ себѣ лѣтЪ дѣвками, стрѣлять изЪ лука, и пробѣгая лѣса и долины забавлялась часто убивая птицЪ и звѣрей. АраспЪ слѣдовалЪ туда за нею почти повсядневно, и непрестанно чудился проворству, прїятности и величественному виду, которыя оказывала она вЪ самомЪ своемЪ простомЪ рубищѣ. ВЪ одинЪ день какЪ не могЪ онЪ ее провождать, будучи удержанЪ другими пастухами, сїя юная Принцесса вЪ провожанїи обыкновенныя своея свиты, которая была ей столь же подвластна, какЪ будто бы была она ихЪ Королева, усердїе кЪ охотѣ довело ея толь далеко гнавшись за дикою козою, что потеряла скоро изЪ виду свое жилище, Подруги ея, коимЪ АраспЪ ее препоручилЪ, напоминали ей о томЪ, и принуж-

 дали

дали возвратиться къ своимъ хижинамъ. Но какъ выходили онѣ изъ лѣсу въ семъ намѣренїи, то многїе мущины верьхомъ ѣдущїе воспротивились ихъ проходу; и нѣкоторые изъ нихъ сошедши съ своихъ коней, бросились на Ильдегарду, обезоружили ее не взирая на сопротивленїе, и отдали ее въ руки главнѣйшему изъ сихъ Кавалеровъ, который поскакавъ во всю прыть въ тужъ минуту удалился съ такою чрезвычайною скоростїю, оставя другихъ, дабы удалить и разсѣять печальныхъ подругъ моея дочери, кои боясь, чтобъ не быть равно какъ и она похищенными обратилися въ бѣгъ, и пришли въ свое жилище, произнося крикъ и вопль дошедшїй скоро до ушей Арасповыхъ. Тщетно изображать тебѣ его отчаянїе при сей вѣдомости; онъ сказывалъ мнѣ, что думалъ, будто Небо покрылося для него одного темнѣйшими облаками, и что лучи солнечные не освѣтятъ болѣе никогда очей его.

Онъ взялъ тотчасъ всѣхъ пастуховъ, и бѣжалъ по слѣдамъ хищниковъ, но не видалъ никого, и

былъ

былъ принужденъ возвратиться безъ всякаго объясненія, ибо подруги Ильдегарьдины не знали, кто были сіи кавалеры, и куда они поѣхали. Тогда было всеобщее смятеніе въ сей деревнѣ; но Араспъ, коего печаль другихъ не могла утѣшить, клялся до тѣхъ поръ не успокоиться, пока не узнаетъ, куда дѣвалася дочь моя. Онъ продалъ свои стада, обратилъ въ деньги все имъ пріобрѣтенное въ семнатцать лѣтъ, и не перемѣняя одѣянія пастушьяго, дѣлавшаго его безопаснымъ отъ любопытства людскаго, и свободнымъ къ хожденію повсюду не подвергаясь примѣчанію, покинулъ онъ свою хижину, и пробѣжалъ всю провинцію, навѣдываясь повсюду о господахъ и простолюдинахъ имѣющихъ женъ и дочерей, дабы узнать, не имѣютъ ли онѣ именующейся Ильдегардою, не могши о томъ ничего узнать. онъ препроводилъ цѣлые два года въ семъ поискѣ, ходя многократно въ одну страну; и ужѐ въ четвертый разъ прибылъ вчера въ Ересбурхъ, и подъ видомъ, будто хотѣлъ видѣть Короля, прогуливался по дворцовой площади, разговаривая

варивая со всѢми, и надѢясь всегда найти то что желалЪ. КакЪ былЪ онЪ вЪ семЪ упражненіи, тогда я появился, онЪ спросилЪ, кто я таковЪ, и узнавЪ, неизвѢстное движеніе побудило его ко мнѢ приближиться, и воззрѢть на меня пристально. Ни длиный мой кафтанЪ, ни чрезвычайный уборЪ, ниже семнатцатилѢтнѢе отсутствіе не воспрепятствовали ему меня узнать. Но удивленіе его было толь велико, что онЪ не могЪ бы уповательно ко мнѢ подойти, естьлибЪ не началЪ я ему говорить первый. Я ужѐ тебѢ сказалЪ, дражайшій мой ПринцЪ, какимЪ образомЪ произошло наше познаніе, какую радость возчувствовалЪ я увидя сего вѢрнаго друга; признаюсь, что была бы она гораздо совершеннѢе, естьли бы увѢдомивЪ меня, что Ильдегарда жива, возвратилЪ онЪ ее моей горячности, ибо невѢденіе, вЪ коемЪ нахожусь о судьбинѢ Урисбертиной, лишаетЪ меня всея надежды, увидѢть ее паки, и естьли бы дочь моя вспомоществовала утѢшать меня вЪ такомЪ злополучіи. Между тѢмЪ принялЪ я сЪ АраспомЪ намѢреніе оставить сіи

мѢста

мѣста, послѣдовать за тобою къ Кароломану, и просить его милости, и власти, дабы повелѣлъ обнародовать во всей Нѣмецкой землѣ, чтобъ естьли кто похитилъ дѣвицу именуемую Ильдегардою, привелъ бы ее ко двору сего Монарха, положивъ строгое за неисполненіе того наказаніе. Вотъ послѣдняя моя отрада, потому что Араспъ препроводилъ два года пробѣжавъ всю Саксонію безъ наималѣйшаго труда.

Но какъ не дозволено мнѣ выттти отъ сюда, не подвергнувъ себя строгости законовъ, осуждающихъ на смерть тѣхъ жрецовъ, кои оставляютъ служеніе въ храмѣ Ирминзулевомъ, то Араспъ пошелъ къ пріуготовленію всего къ моему побѣгу въ самую минуту твоего отбытія.

Клодомаркъ окончалъ такимъ образомъ свою повѣсть; а Принцъ Ерихъ, коего любовь къ жрицѣ Клодомирѣ не дѣлала толь чувствительнымъ къ судьбинѣ Ильдегардиной, какъ бы былъ онъ въ другое время, не былъ спокоенъ во время повѣствованія верьховнаго жреца, опасаясь, чтобъ не представилъ онъ глазамъ его та-

кого предмѣта, который не могъ болѣе тронуть его серце. Между тѣмъ скрывъ отъ Клодомарка склонности толь ему противныя, сожалѣлъ объ немъ, утѣшалъ ево, и обѣщалъ ему, что будетъ онъ принятъ съ отмѣною отъ Карла великаго. Онъ просилъ познакомить его съ Араспомъ, и здѣлать участникомъ въ ихъ стараніяхъ о побѣгѣ, обнадежа его, что естьли бы надобно было отважить жизнь свою противу всѣхъ Саксовъ, то бы пролилъ онъ съ радостію кровь свою, дабы вывесть его изъ толь варварской земли.

Клодомаркъ благодарилъ ево, сказавъ ему, что на другой день послѣ принесенія жертвы надѣется онъ извѣстить его о мѣрахъ, кои приметъ къ своему побѣгу; что будетъ непремѣнно имѣть въ немъ нужду, и просилъ ево притти во храмъ не посредственно послѣ церемоніи. Ерихъ не имѣвшій намѣренія пропустить такое позорище, гдѣ Клодомира долженствовала быть съ такимъ велелѣпіемъ, обѣщалъ притти къ нему. Разставшись младый принцъ упражнялся въ мысляхъ касающихся до возва-

возрастающей его страсти; Клодомаркъ же будучи всегда исполненъ упованïемъ и печалïю, упражнялся до возвращенïя Араспова единственно въ выискиванïи средствъ, дабы найти паки обѣихъ Принцессъ, къ коимъ достовѣрность о ихъ жизни возбудила въ душѣ его по прежнему все то, что природа и любовь имѣютъ нѣжнѣйшаго и страстнѣйшаго.

КОНЕЦЪ ПЯТОМУ ТОМУ.

